

О героическом миросозерцании

«Наука человеческого величия — самая странная из наук. Никто из людей не чужд ее познаний. Но почти никому неизвестно, что он ими обладает».

(Метерлинк).

«У них не было храмов, но у них было какое то насыщенное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной; у них не было веры, зато было твердое знание, что когда исполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них и для живущих, и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной».

(Достоевский).

Знаменитая индусская эпопея Рамаиана повествует об одном великом отшельнике, в котором сосредоточились благодать и сострадание всего человечества. Однажды он просветленный, с особенной силой молился высшему Богу Индре и прочим богам, но к молитве его были равнодушны боги, и она обратилась в землю, безответная. Такое безразличие богов страшно смутило великого праведника, и он, всегда обращенный к Богу, в глубину небес, обратился к себе, в глубину своей собственной божественной природы. Он напряг все силы свои, дремавшие в нем до тех пор и почувствовал себя могущественнее всех богов, которым прежде молился, могущественнее самого Индры. Тогда он стал сам повелевать землей и небом. По велению его зажглись в небесах новые светила, с новым ни откуда не заимствованным огнем: — он произнес свое собственное: да будет свет! Он стал творить миры и все, что творили боги и творить лучше их. В конце концов, Индра, пораженный и устрашенный этой мощью благодати человеческой, ее безграничными возможностями, уступил и склонился перед ней и сам произнес человеку: «да будет воля твоя».

1.

Наша эпоха является временем обретения человеком самого себя, как средоточия всех чаяемых им в мире возможностей. Таким самоосознанием человека, мерой его безграничных сил является грядущее

в мир — по нашей терминологии — прометеевское титаническое миросозерцание, которым заряжена и в **последней глубине** своей движется и современная, в этом смысле, **предварительная эпоха**, но которое становится актуальным лишь вместе с наступлением новой, зарождающейся в наше время эпохи, эпохи человека впервые встающего во весь свой скрытый гигантский рост.

При этом, когда мы употребляем обозначения: «прометеевское», «титаническое» миросозерцание и т. п., то, конечно, не в буквальном смысле древних мифов, дающих лишь символический намек на обозначаемое нами новое содержание, а в смысле грандиозных масштабов и возможностей новой грядущей эры человеческого существования, в смысле творческого всемогущества человека, все рождающего из себя и из своего творческого замысла. Те, кто знаком с обычным характером образования терминов, поймут это без дальнейших разъяснений. Так, например, наше слово «поэт», как известно, по гречески означало: «творец»; новый термин «фавизм» происходит от слова *fascio*: «связка», «пучок». Точно также и наши термины имеют к своему первоначальному значению лишь косвенное и условное отношение. То, что было изначальной и неоконченной мечтой человека, как Творца, мечтой его Свободы и творческой Победы и что на заре его истории наиболее ярко проявилось в этом древнем мифе о Прометее, как Зигизителе человеческой судьбы, это наша эпоха проявила с необыкновенной силой и полнотой, дала все предварительные данные для его реализации. Отсюда все величие и грандиозность ее соотношений, но отсюда же — с другой стороны и катастрофизм, простирающийся из нереализованности ее творческих сил.

С полным основанием можно сказать, что все главные затруднения нашего времени, которые грозят самому существованию современной цивилизации, простираются из того, что современный человек перерос самого себя, что в своих возможностях он далеко превзошел наличные условия их реализации. Недаром некоторые, даже видные современные общественные и политические деятели предлагают в качестве выхода из современных затруднений... ограничение технического прогресса. Трудно представить себе более характерную смесь из цинизма, растерянности и сознания своей дальнейшей исторической несостоятельности, чем эта «мера» в качестве выхода из создавшегося положения. Но, тем не менее, она в высшей степени симптоматична и показательна как для светлой, так и для тeneвой стороны того, что в мире происходит.

2.

Несомненно, в дальнейшей истории человечества проблема чем замять людей, а не чем накормить их, как применить их творческие силы, а не как удовлетворить их потребности, будет занимать все более преобладающее и важное значение. Современная безработица, которая уже теперь из конъюнктурного и частичного явления превращается в явление органическое и всеобщее, есть только предвестие того, создающегося парадоксального состояния, которое отчасти имеет место уже и в настоящее время. И от самого человечества, от его воли к **организации мира** будет зависеть — явится ли этот **замечательный** и полный глубокого трагического смысла феномен нашей эпохи источником его грядущего благосостояния и величия или причиной его страшной катастрофической гибели. Человек призвал к жизни силы, с которыми он сам будет не в состоянии совладать, если не подымется в своем сознании на уровень их возможностей; тем более, что в этом явлении есть не только материальная сторона, допускающая

щая в нравственном отношении произвольные решения, но и духовная сторона, выдвигающая свои критерии Свободы и Смысла человеческого существования.

Дело в том, что сама материальная безработица современности есть только часть всей проблемы, наряду с которой все большее значение приобретает другая ее часть, — то, что можно было бы назвать **моральной безработицей**, отсутствием возможностей деятельного применения все возрастающих творческих и идеалистических сил масс, особенно масс молодежи, изнывающих и гибнущих от ощущения своей ненужности и повсеместного излишка творческих сил. При этом, по мере того как техника, проникая во все сферы и проявления человеческой деятельности, все больше освобождает массы от низшего, механического труда, а с другой стороны, по мере того, как эти массы все в большей степени приобщаются к благам духовной культуры, размеры таких свободных творческих энергий становятся все более и более значительными, в пределе стремясь охватить все вообще живые силы человечества. Ведь в пределе, — исторически не столь уж отдаленном, — современная техника обещает освободить весь вообще низший механический труд, — в чем, в частности, и заключается ее великая освободительная миссия. А с другой стороны, все расширяющаяся и углубляющаяся демократизация культуры должна будет в пределе призвать все массы человечества к высшему творческому труду. Спрашивается тогда, — что должна будет делать эта грядущая великая всечеловеческая Армия Творчества — Труда, имеющая, к тому же, за собой несметные силы железных армий машин, подлинно безграничные возможности техники!?. — Вопрос, который человечество в силах будет поставить и разрешить лишь в грядущем прометеевском демиургическом миросозерцании, — этот вопрос не может быть даже поставлен современными умирающими формами сознания. В своем высшем выражении он сводится к проблеме о том, что вообще **может** Человек, **как таковой** и чем он морально является в этих своих раскрывающихся безграничных возможностях, — к проблеме о новом высшем призвании человека, **становящемся теперь предельно актуальным**. Это вопрос о той новой высшей действительности некоего подлинного, в творчестве обретенного «золотого века», «рая на земле», которая идет на смену нашей величественной и страшной, предельно жестокой и всеобещающей действительности.

Таким образом, вопрос этот о призвании и реализации гигантски возрастающей массы Творчества — Труда, который трагически переключается теперь весь лик нашей эпохи, сводится, в конце концов, к высшей **Цели**, которую человечество должно обрести, чтоб применить эти свои почти безграничные творческие возможности и, следовательно, к высшему **Смыслу**, который должен оправдать эту развернувшуюся перед нами необыкновенную, подлинно прометеевскую в своих возможностях действительность.

Поэтому если проблема первой, материальной безработицы есть лишь проблема нового хозяйственного устройства, то проблема второй «моральной безработицы» есть общий вопрос о **новом жизненном идеале** Человека, как такового, о его высшем творческом призвании в мире. Социальный идеал справедливого применения труда человека, как **работника**, которым поглощена современная текущая мировая политика, есть только частная и элементарная проблема нашего времени, шире и выше которой стоит более сложная и общая проблема об осмысленной реализации безграничных творческих энергий современного человечества вообще, тех энергий, в которых оно потенциально близко к своему грядущему творческому всемогуществу.

3.

Обе эти проблемы упираются в одну и ту же великую необходимость, под знаком которой формируется новая наступающая эпоха, необходимость **организации мира**, гармонического объединения людей. Если с одной стороны, в дезорганизации современного общества, в хаотическом индивидуализме его коренится, в конце концов, то парадоксальное положение, что при почти безграничных производительных возможностях, человечество в большинстве своем остается нищим и подавленным нуждой, то с другой стороны, если бы была осуществлена та творческая гармонизация жизни, то гармоническое единение человечества, при котором были бы использованы все его невероятные производительные силы, это бы значило наступление уже теперь того состояния всеобщей обеспеченности и материальной свободы при минимуме затрачиваемого труда, которым в настоящее время пользуется лишь незначительная, привилегированная часть общества.

Эти раскрывшиеся невероятные творческие возможности человека сообщают, таким образом, нашему времени исключительное значение перед всеми другими эпохами исторического развития. То, о чем человечество мечтало с начала своего сознательного бытия — в мифах о «царстве Божиим», о «золотом веке», о «рае» и т. п. становится теперь действительно, реально осуществимым с наступлением новой высшей эры человеческого существования, **эры Истории в собственном смысле**. Путь этого осуществления и состоит, как дальше увидим, в объединении человечества в **Общем Деле** преобразования мира, в исторической мобилизации его в творческом, активном, — **Демиургическом братстве**, в той проблеме **организации мира**, которая и является сейчас верховной и актуальнейшей проблемой дальнейшего всемирно-исторического развития. Таким образом, проблема организации мира и в ней преобразования его, подымается на уровень **исполнения** призвания нашего времени, как исключительной эпохи в историческом развитии. В ней заключен исход всех современных волнений, антиномий, трудностей и борьбы, всех его страданий, ненависти, зловещих опасений и тревог.

При этом формула организации мира включает в себе не только частную социальную сторону в выше обозначенной проблеме Творчества — Труда, но и ее общее нравственное существо, представляя путь реализации нового жизненного идеала, путь **героического** призвания человека в мире.

В самом понятии организации, как таковой, в качестве ее основных моментов, заключены, с одной стороны, **цель** ее, ради которой она осуществляется, с другой стороны, момент **объединения**, без которого нет и самой организации. Больше того: всякая организация и есть ничто иное, как осуществление **единства**, — в высшем и сокровенном смысле этого слова.

Следовательно, и организация мира, перед великой необходимостью которой, стоит современное человечество, предполагает, с одной стороны, **цель**, которая была бы достойна и соответствовала бы тем безграничным творческим возможностям, реализация которых и составляет предмет этой организации, а с другой стороны, она предполагает ту гармонизацию жизни и объединение людей, в которых и должно выразиться преодоление современного индивидуалистического хаоса и состояния войны всех против всех.

Такой целью, соразмерной и достойной тех безграничных творческих возможностей, о которых выше шла речь, может быть лишь **Цель**, полагаемая прометеевским титаническим миросозерцанием с его

Абсолютным идеалом, а гармонизация жизни и объединение людей вокруг такой Цели означают ту историческую мобилизацию человечества в Общем Деле преобразования мира, которая впервые явится осуществлением подлинного братства людей, их Демниургического братства — сотрудничества, ибо оно будет осуществляемо **на почве и вокруг именно Общего Дела.**

Отсюда высшая нравственная квалификация, которая должна быть сообщена идее организации мира с ее творческим абсолютным идеалом и активным демниургическим братством людей. Ибо преобразование мира во всей своей нравственной значительности представляет собой Абсолютный подвиг, осуществляющийся в Истории и как История, есть дело Спасения, осуществляющееся, как Общее Дело, есть активное, творческое Братство людей, утверждающееся как их мироорганизующее сотрудничество. Тем самым, здесь дается подлинное попрание нового **героического** призвания человека в мире, его героической миссии носителя и творца Истории в собственном смысле. Ибо в творческом соучастии людей в Общем Деле преобразования мира, в этом Абсолютном подвиге творческой Победы и Борьбы человека и состоит задание и смысл Истории, как таковой, ее высшее оправдание и пафос.

4.

Из сказанного явствует, что понятие **героического** является необходимым составным моментом демниургического прометеевского мирозерцания, на почве которого оно только и может быть обосновано и утверждено. А с другой стороны, и это понятие, последовательно развернутое и углубленное, необходимо ведет к той же идее демниургического прометеевского мирозерцания.

Таким образом, последнее, представляя собой интегральную идею организации мира, являющейся высшей и актуальнейшей необходимостью нашего всемирно-исторического момента, несет в себе ключ, открывающий новые горизонты наступающей эпохи, предвосхищающий размеры ее и ее стиль. Тем самым, грядущее демниургическое прометеевское мирозерцание есть не только жизненный идеал, но и повелительная историческая необходимость, оно не только идеологически желательно, но и объективно неизбежно. Эта неизбежность проистекает из той безгранично возрастающей творческой мощи человека, о которой выше говорилось. Все увеличивающееся материальное и социальное могущество людей, делает не только возможной, но и необходимой соответствующую демниургическую организацию их в Общем Деле преобразования мира — под тем смертным страхом, что эти грандиозные материальные и социальные силы, не найдя себе положительного применения в творчестве, изойдут отрицательным образом в разрушение. Эти невероятные силы и возможности, которые нам открываются теперь, или подымут нас к вершинам бытия в величайшем **Утверждении**, или низвергнут нас в бездну его в ужаснейшем разрушении. Третьей возможности нам не дано. Стоя у порога их таинственного и безграничного резервуара, мы уже не можем оставаться в том состоянии середины посредственности, в котором мы пребывали до сих пор. Возможность великого, прометеевского Восстания грозит обернуться страшным апокалиптическим взрывом, — о чем и кликушествуют злорадно современные теологические сибиллы, — если силы и возможности эти не будут подчинены организующей воле человека, не будут гармоническим образом реализованы им. Как было сказано, уже современные бедствия и потрясения проистекают не от недостатка сил и возможностей человека, а от их избытка. В этом парадоксальном положении, — основном и небывалое своеобраз-

ное нашего времени, накладывающее на него, как выше говорилось, печать особого перед всеми веками, всемирно-исторического призвания.

Эта печать, — печать трагического величия, свидетельствующая о героическом значении и назначении Пути будущего нового человека.

5.

Уже в настоящее время понятие героического является модным — в лучшем смысле этого слова — среди новых идеологических исканий и настроений. Широко распространена, даже в среде нарождающегося массового человека, потребность жить не только обеспеченной, но и осмысленной, достойной, как принято часто выражаться, «красивой» жизнью. Стремления эти остаются еще беспредметными и даже часто, что еще хуже, лжепредметными, тем не менее, они значительны и глубоко в своем источнике и происхождении. Особым показателем их является, в частности, тот крайне напряженный **идеологизм**, которым отличаются все новые возникающие общественные течения. Борьба вокруг всякого рода идей и идеалов в наше время достигает небывалого прежде размаха и интенсивности. Как некогда были религиозные войны, так мы, можно сказать, вступаем в эпоху своего рода **идеологических войн**, при том в условиях неизмеримо более сложной исторической и духовной ситуации.

Мы уже говорили о той своеобразной «моральной безработице», о тех, тщетно ищущих своего применения идеалистических энергиях современных масс, особенно молодежи, которые в **тенденции** нам представляются явлением много более значительным, чем даже факт самой материальной безработицы, при всей тяжести и преступной бессмысленности ее. Можно с полной категоричностью утверждать, что если общественный строй не в состоянии творчески использовать и реализовать такие идеалистические энергии, он не только не сможет в дальнейшем существовать, но он и не имеет права на такое существование. Это со всей решительностью и приходится сказать как раз в отношении существующего буржуазно-капиталистического строя. Как дальше увидим, он не только не дает соответственного попрания и идеала для реализации того героического пробуждения, которым исполнены современные передовые массы, но по своему сознанию и бытию представляет собой порядок жизни последовательно анти-героический, мещанско-филлистерский, в худшем смысле слова, обывательский.

Эти идеалистические энергии теперь пытаются — каждый по своему — организовать фашизм и коммунизм. Но первый лишь профанирует их, сводя к ура-патриотической шагистике, второй же, будучи сам подчинен материалистическому, т.е. по самой природе своей анти-героическому сознанию и идеалу, лишь деморализует их и, — в духовно-нравственном смысле, идиотизирует.

Таким квази-героическим замыслом коммунизма проникнута была, в частности, так называемая «ленинлетка». Но результатом ее была, как известно, лишь грандиозная растрата сил, сорвавшая — к тому же, быть может, надолго — весь героический пафос масс, сыграв, таким образом, на руку и без того все засасывающему болоту мирового мещанства и филлистерства, мобилизующего все низшие скотские ступени современ. человека для их безраздельного утверждения.

Тем не менее, вопреки господствующей материалистической идеологии, в советской общественной системе созданы некоторые **внешние** условия и предпосылки, которые при наличии соответственного героического мирозерцания могли бы явиться условиями и пред-

посылками подлинного поприща для утверждения и реализации героического. Нам поэтому нет надобности начисто отрицать правдивость таким, например, слов, какие были высказаны на недавнем писательском съезде (Гладковым): «Героизм стал бытом, нормой поведения. Он насыщает мысли наших людей, подчеркивает своеобразие нашего труда, нашей культуры». Дело лишь в том, что этот героизм масс, героизм восставшего в Революции великого русского народа, героического по самому характеру своему, систематически изнутри разлагается тем господствующим материалистическим мирозерцанием марксизма, которое по самой природе своей является анти-героическим.

6.

В общем и предварительном виде можно сказать, что героическое состоит в **жертвенном** осуществлении дела, имеющего **общее** значение. Величие и ничтожество поступка определяется тем, какое отношение он имеет к **Общему**. Следовательно, частное дело, с одной стороны и **Общее Дело**, с другой — таковы нравственные полюсы этого порядка. Всякое дело приобретает достоинство героического дела, если оно имеет значение **Общего Дела**.

Такие представления в неосознанном виде можно даже признать общераспространенными. Рассматривание частного, отдельного в отношении их к Целому, к **Общему** всегда считалось **повышенной точкой зрения**. Всегда признавалось, даже противниками («индивидуалистами»), присутствие некоего величия в принципе единства, как таковом, несмотря даже на то, что не всегда отдавали себе отчет в его смысле и основании.

Но чтоб положительное деяние могло приобрести общее значение, нужно чтоб люди, хоть в какой нибудь мере, были едины в своей судьбе, иначе если они изолированы друг от друга, то не может быть поприща для их героического действия, так как, будучи даже высокоположительным оно не сможет приобрести общего значения.

Следовательно, одного субъективного момента недостаточно. В каждом человеке, самом низменном и ничтожном, тлеет искра героического, дремлет потенция возможного подвига; и у каждого человека всегда в глубине его присутствует стремление при помощи этой возможности оправдать пред лицом объективной истины свое высшее достоинство и предназначение, утвердить свою абсолютную природу и сущность, — было бы лишь представлено для этого соответственное поприще, дан надлежащий, способный его нравственно мобилизовать, предмет. Таким поприщем и предметом — во всей полноте и значительности его — может быть лишь **Дело**, имеющее общее значение и смысл, — **Общее Дело**, лишь **Предприятие**, в котором сливаются воедино стремления всего рода человеческого, как такового. Вот почему лишь **повая, зарождающаяся** в наше время эпоха, знаменующая собой впервые возможность и необходимость творческого объединения людей в **Общем Деле** преобразования мира, в этом Абсолютном подвиге Творчества — Труда, явится, тем самым, впервые героической эпохой в собственном смысле, представляющей поприще и предмет для возможности реализации героического как такового.

Через организацию мира и гармоническое объединение людей каждый приобретает к **Общему**, как к своему заданию и судьбе, и через то в соответственной мере возвеличивается в своем значении. Человек в своей значительности как бы умножается на весь размер общественного Целого. Его дело для общества становится общественным делом и в свою очередь, общественное дело для него приобретает значение его личного дела. Тем самым, он живет большими, об-

щими вопросами, вопросами своего государства, своей эпохи, своей нации, всего человечества. Включенный в Целое и воздействующий на него, он соучаствует в делании Истории, в определении путей и судьбы всех. Как бы ни был ничтожен его личный вклад, но это вклад в **Общее Вселенное Дело**, в котором он умножается на весь масштаб этого Дела. В большом же и малое приобретает большое значение. Следовательно, нет «мелких дел», нет серых, убогих и никому не нужных хлопот и повседневных занятий. Приобщенный к **Общему**, человек его размерами и определяется, в нем и через него его индивидуальное подымается на уровень универсального.

Таким образом, **Общее** является творческим модусом воссоединения индивидуального и универсального, конечного и бесконечного. В нем отдельно приобретает ко **Всему**, относительное утверждается в качестве Абсолютного. **Общее** потому и общее, что оно **все** в себе вмещает и обнимает. Поэтому оно относительно бесконечному, ибо если бы оно было чем либо ограничено, оно не было бы уже **Общим**.

7.

С **внешней и материальной** стороны возможность такого объединения людей в **Общем Деле** преобразования мира, возможность их активного, творческого братства, направленного на овладение своей судьбой, осуществлена в великом покорении Природы современной техникой, давшей совокупность невероятной материальной мощи человеку. В технике созданы внешние, материальные условия и предпосылки возможности и необходимости гармонического объединения людей, их воли к организации мира.

Благодаря ей человек уже не может больше себя чувствовать обособленным и самом себе. Он и в своей деятельности, и в своих запросах и потребностях связан со всем миром. Общеизвестны факты интернационализации всех областей и сторон современной деятельности: хозяйственной, социальной, научной, художественно-литературной и т. п. Международно-политическая жизнь потому и стала такой напряженной и катастрофической, что объем и интенсивность **мировых** отношений, связей и интересов достигли максимальных размеров, тогда как формы международной организации остались по прежнему антагонистическими и партикуляристическими.

Но еще большая связь современного человека с окружающим миром имеет место в более узких масштабах его существования. Например, очень мало можно указать потребностей, в удовлетворении которых он зависит теперь от самого себя. Наоборот, почти все они являются у него общими с большими, часто уходящими в международную сферу, коллективами. Общими являются средства сообщения и передвижения (городские, национальные и международные), средства образования и лечения, всякого рода способы обеспечения на всевозможные случаи жизни. Отопление, освещение, вода и почти все жилищные условия — все это является также общим. Почти все с нашего стола, наша одежда и все вообще предметы, как личного, так и производительного потребления, изготавливаются не нами самими, а получают с рынка, т. е. от неведомых масс хозяйственных групп и коллективов — национальных и даже мировых. И все это произошло в результате технического прогресса и тех хозяйственных изменений, которые им были вызваны.

Техника создает такие внешние, материальные условия и предпосылки для объединения человечества, ибо она является **продуктом организации мира** с его внешней, материальной стороны, со стороны Природы, — с ее **отрицательным принципом раз'единения**, принципом

пространства преодолеваемым ею. Следовательно, победа над Природой, преодоление пространства, как отрицательного принципа раз-единения мира в этом его внешнем материальном аспекте, означает осуществление его единства с внешней, материальной стороны его. Но организация Природы, преодоление пространства и объединение мира в этом его частном, внешне-материальном порядке ставит на очередь проблему **организации Истории, овладения временем** и объединения мира в его общем, интегральном порядке. Поэтому можно сказать, что как для предыдущей эпохи был характерен стиль Природы, — **Натурализм**, так для грядущей новой эпохи будет характерен стиль Истории, — **Темпорализм** (от tempoга — время).

Под знаком преодоления пространства, как отрицательного принципа Природы, шла первая эпоха, под знаком овладения временем, отрицательного принципа Истории, будет идти вторая. И если натуралистический характер предыдущей эпохи имел своим предметом, главным образом, **материальное могущество человека**, власть над своим внешне-материальным **положением**, то темпоралистический характер грядущей новой эпохи будет предметом своим иметь, главным образом, **социальное могущество**, власть человека над своей **судьбой**.

Такая организация мира, в его высшем и интегральном порядке, как организация Истории, как преодоление времени и овладение человеком своей судьбой и представит собой подлинное поприще героического, как такового.

Это перемещение человечества в высший аспект бытия, бытия в Истории в собственном смысле, знаменует, таким образом, повышение всей проблематики его. Оно есть как бы переход от естественного существования к историческому бытию.

В самом деле, в понятие **Абсолютного идеала**, являющегося **предметом** преобразования мира, в **частности**, входит: с положительной стороны — осуществление абсолютного достоинства человека, утверждение его бесконечной природы; с другой, отрицательной стороны — преодоление относительности, конечности его существа, — в **пределе** — преодоление смерти.

Если содержанием и целью организации Природы являлась **борьба за существование**, преодоление **нужды**, то содержанием и целью организации Истории явится борьба за **Абсолютную Жизнь** — с одной пол. стороны, и борьба, и в пределе, победа над **смертью** — с другой отриц. стороны, — поскольку высшей целью Истории является овладение человеком своей судьбой, победа над временем, — смерть же и есть предельное выражение судьбы, — в ее отрицательном аспекте, субстанциальное содержание времени. Нужда — в широком смысле — и — в столь же широком смысле — смерть суть общие, интегральные выражения немощи, недостаточности, конечности человека. Поэтому организация Природы, овладение человеком **своим положением** является преодолением конечности его в **пространственном аспекте**; организация Истории, овладение им **своей судьбой** является преодолением его конечности во **временном аспекте**. То и другое означает преодоление **необходимости**, во власти которой человек находится — пространственной необходимости в плане Природы и временной — в плане Истории. Тем самым, то и другое представляет для него подлинное **Освобождение** его, утверждение его абсолютного существа.

Таково содержание и замысел организации мира, верховной и актуальнейшей проблемы новой зарождающейся эпохи.

Героическое ближайшим образом совпадает с **историческим** — в его собственном смысле. Ибо и историческое деяние и героический подвиг одинаково конституируются своим отношением к Общему. Пафос Истории есть пафос Общего. И этот пафос — в Абсолютном подлинном преобразении мира, которое и является сокровенным содержанием и смыслом Истории, как прометеевского титанического Дела рода человеческого.

Событие, исходящее от отдельного индивида и лишь отдельного индивида касающееся, не рассматривается, как **историческое** событие. Оно не может стать и никогда не бывает предметом **исторической** квалификации и оценки. Оно не может даже изучаться, как предмет истории. «История есть наука о развитии людей в их проявлениях в качестве **социальных** существ» (Э. Берггейм). «История, как наука, имеет своим предметом человеческие **общества** и их изменения» (Барт). Чтоб приобрести природу исторического, явление, следовательно, должно исходить или по крайней мере, касаться не частного, а общего интереса, оно должно быть сверхиндивидуальным явлением Единства. Другими словами, лишь когда частное дело становится Общим Делом, оно становится историческим делом. Тем самым, понятие исторического деяния имеет непосредственную внутреннюю связь с понятием героического. Следовательно, приобщенность к Общему Делу, т.е. прометеевскому Делу преобразования мира, не только сообщает нашей деятельности нравственную квалификацию героического деяния, но и возвышает ее до значения деяния исторического. Участвуя в Общем Деле, мы участвуем в деле Истории, и наша частная деятельность приобретает историческое достоинство и смысл. Здесь, таким образом, достигается подлинное возвеличение личности человека.

Признание народа историческим и, следовательно, судьбоносным, снимается его высшей квалификацией, и так же, наоборот, дисквалификация народа является обозначением его не-историческим. Приобщенность к Истории, таким образом, служит свидетельством высшей значительности. И кто ее лишен, тот лишен значения призванности, ибо Истории и есть поприще всяческого призвания.

Высокая оценка смысла и значения Истории теперь уже является едва ли не общепризнанной, хотя и не осознанной еще в понятиях. Участие в Истории, хотя бы самым скромным и незаметным образом уже наше время считает общеобязательным. Но требуя от всех жертв на этот алтарь Истории, наше время еще не отдает себе отчет, какому Божеству этот алтарь предназначается. Для современного человека это еще только эмпирический закон, а не высшая истина, **практическая** необходимость, а не сокровенный человеческий Завет. По существу, современное человечество еще только **входит в Историю**, лишь приобщается ей, не зная еще, что такое Истории, в чем ее настоящий, сокровенный смысл. Бытие обычно предшествует сознанию и полное осознание Истории должно наступить после того, как будет утверждено ее бытие. Человечество должно прежде родиться исторически, чтоб начать исторически сознавать. **Наше время и есть время рождения человечества исторически.**

Но такое его рождение исторически есть рождение его в высшем смысле слова. В нем человечество впервые становится тем, чем оно является по самой своей идее: носителем Абсолютного подвига преобразования мира, объединенным в Общем Деле творческого Восстания и Торжества Демидургическим братством людей.

История рождается по мере того, как совершается объединение лю-

дей, по мере того, как организуются их совместные творческие усилия. Поэтому общества, государства, нации и прочие формы человеческих объединений суть действительные фрагменты исторического бытия, каковыми они обычно и признаются. Объединение же человечества в Общем Деле преобразования мира, осуществление высшего Демургического братства людей есть, тем самым, предельный момент для начала Истории в собственном смысле, есть действительное рождение человечества исторически. Поэтому История в собственном смысле начинается лишь теперь, когда всякое частное дело стремится быть приобщенным к Общему Делу, когда все индивидуальное стремится быть возведенным к универсальному, когда впервые реально, в действительности конечное находит средства и пути приобщения к бесконечному. Эти средства и пути реализуются в организации Истории и Природы, в преодолении времени и пространства — как отрицательных форм конечности и разединения и в осуществлении бесконечности и единства, как положительной цели этого преодоления.

Таким образом, до наступающей эпохи не было Истории в собственном смысле, было развитие. И человек, поработанный необходимостью борьбы за существование, ничем не возвышался над уровнем животных с их доисторическим естественным состоянием «борьбы всех против всех». Лишь теперь, с завершением покорения Природы и приближающимся освобождением человека от необходимости борьбы за существование, натуралистическое, животное его бытие в Природе сменяется темпоралистическим, подлинно человеческим бытием его в Истории, борьба за существование сменяется высшей формой его утверждения, борьбой за бессмертие. Наша эпоха есть, следовательно, в высшем смысле критическая эпоха возведения человека в высшее измерения бытия, — из аспекта организации Природы, преодоления пространства в высший аспект организации Истории, овладение временем; из натуралистической стадии существования человека — полуживотного в темпоралистическую стадию бытия человека — полубожества.

Есть радикальная разница между развитием, в котором, по существу, пребывает человек до сих пор, в своей предшествовавшей предисторической эре существования и Истории, как таковой, которой открывается новая зарождающаяся в наше время высшая эра. В развитии есть только объект процесса, в нем нет субъекта. Когда же объект развития становится в то же время субъектом его, тогда развитие возвышается в Историю. В развитии судьба владеет человеком, он подчинен в нем объективной закономерности; в Истории человек овладевает своей судьбой, он подчиняет объективную закономерность себе. Развитие совершается, оно есть процесс, Историю творят, она есть Деяние. Таким образом, то, что там было результатом необходимости и совершалось из причин, здесь становится подвигом Свободы и совершается из целей. Интегралом всех целей исторических свершений и является Абсолютная Цель преобразования мира, творческое осуществление человеком абсолютного достоинства своего существа.

9.

Из всего сказанного ясно, что прошлые эпохи не знали ни объективных условий, необходимых для подлинно героического, — соответственных условий исторического бытия; ни субъективных условий его, — соответственного героического мирозерцания.

Героическое, как субъективная возможность, конечно, всегда было. Но чтоб такая возможность могла быть мобилизована и осуществлена во всей своей нравственной значительности и полноте, нужна

соответственная форма сознания — в смысле жизненного идеала, понятий и представлений — с одной стороны и соответственный уровень и строй человеческого бытия — с другой стороны. Эти условия: субъективно-идеологическое и объективно-историческое, становятся возможными лишь теперь, с зарождением новой высшей эры человеческого развития, эры Истории в собственном смысле. Ибо лишь теперь становится возможным прорывное демургическое сознание, являющееся героическим по существу своему и лишь теперь назревшая историческая мобилизация человечества в Общем Деле преобразования мира, несет для него соответственное необходимое поприще.

До сих пор некоторым поприщем героической активности были эпизодически появлявшиеся чрезвычайные моменты исторических подъемов в жизни народов, какими являлись, например, войны, революции, большие общественные движения и т. п. В эти моменты люди как бы выходили из колеи своего обычного обывательского существования и начинали жить какой то сверхиндивидуальной экстраординарной жизнью. Они характеризовались тем, что общий интерес — национальный, социальный, политический или духовный (религиозные войны, например) приобретал решительный перевес над интересами частными. Народы, классы и общественные группы находились в эти моменты в состоянии подлинной исторической мобилизованности, создававшей почву и атмосферу героического. И эти чрезвычайные моменты исторических подъемов всегда с полным правом признавались и были на самом деле великими — в жизни соответственных классов, народов или общественных групп. Тем самым, таким образом, дается и с этой стороны историческое свидетельство о природе и источнике героического. Прибыль и убыль его всегда совпадали с подъемом и падением исторической кривой. Тем паче, подлинная историческая мобилизация всего человечества в подлинно Общем Деле, Деле преобразования мира, должна носить на себе печать величия и быть действительным поприщем героического. Героизм и величие таких чрезвычайных моментов исторических подъемов происходил из их исторической мобилизованности, преобладания общих интересов над частными. Новая же эпоха Истории в собственном смысле, грядущее Демургическое братство людей несет постоянный примат универсального над индивидуальным, целого над отдельным, когда каждый частный интерес будет в то же время общим интересом, когда каждое частное дело будет Общим Делом. Тем самым эта эпоха будет эпохой героической по преимуществу.

В прошлом такие проблески героического утверждения человека были лишь короткими эпизодами исторических бурь, за которыми вновь наступало обычное состояние исторических будней, когда всей жизнью вновь овладевала привычная мешанская, обывательская стихия, обрекавшая человека на полуживотное состояние в соей узкой, шкурнической индивидуалистической скорлупе. Грядущая же новая, высшая эра человеческого развития, эра Истории в собственном смысле, тем и характеризуется, что вместе с ней человечество исторически мобилизованное в Абсолютном подвиге преобразования мира, объединенное в Общем Деле Демургического братства людей, братства-сотрудничества, вступит в ту высшую форму своего бытия, когда само его существование станет поприщем героического, когда, подобно единству стиля классически целостных религиозных эпох, сам быт его будет содержанием и формой героического призвания. Вспомним выше приведенные слова советского писателя, которые, ведь, в некоторой мере все же правдивы даже в отношении к теперешнему состоянию советской действительности, создавшей, как мы говорили,

лишь некоторые внешние и материальные условия и предпосылки для возможности героического.

10.

Но героические моменты в прошлом человечества были не только случайными и эпизодическими — в смысле своего исторического размера; они были в то же время лишь **относительно** героическими — в смысле своего идеологического достоинства, так как ни по путям и методам своим — часто только разрушительным (войны), ни по целям и идеалам своим — часто даже отрицательным, — они далеко не были на уровне требований подлинно героического сознания, возможного лишь на известной высоте культурно-исторического развития, полагающей начало подлинно **исторического бытия**. Таким моментом в развитии человечества и является наш всемирно исторический момент, впервые делающий возможным демиургическое прометеевское мирозерцание, которое и является подлинно и единственно героическим сознанием.

Геронизм, как было определено, состоит в подвиге жертвенного служения Общему. Следовательно, прометеевское мирозерцание, смысл которого и состоит в Общем Деле преобразования мира, в Абсолютном подвиге Творчества-Труда, есть героическое мирозерцание по преимуществу. Общее же Дело преобразования мира есть сокровеннейшая тема Истории. Вот почему все подлинно героическое имеет отношение к Истории.

Древние вполне основательно считали, что худший, приобщившийся к «истинной вере», в известном смысле, становится выше лучшего, но чуждого этой вере. Это в нашем случае значит, что дело не только в личном героизме, который всегда был и был в самых разнообразных своих проявлениях, но также и в соответственном героическом мирозерцании, которое, в качестве такового, в некотором смысле и не героев делает героями, приобщая их к надлежащему сознанию и действительности. И мы утверждаем, что такое мирозерцание, несущее совершенно иной, в сравнении с прошлым сознанием, смысл и направление человеческого существования, совершенно иное значение и назначение его, становится в высшей степени актуальным именно теперь, с рождением новой высшей эры историч. развития. Человечество стоит перед моментом величайшего культурно-истор. **возвышения**, перед неким, как бы, перемещением в высшее измерение бытия, в котором каждый, независимо от своего субъективного достоинства, станет выше человека любой прошлой эпохи в силу одного превосходства своего объективного существования.

Это перемещение состоит в возвышении человека из низшего аспекта бытия в Природе с его главным содержанием: борьбой за существование, в высший аспект бытия в Истории, с ее сокровенным содержанием: борьбой за Абсолютную Жизнь. Полуживотное там, борющееся за свое материальное благополучие, человек-полубожество здесь, утверждающее свое абсолютное достоинство. Ибо История, характеризующаяся преодолением времени, — с отрицательной стороны и осуществлением вечности с положительной стороны, представляет путь становления Абсолютного, путь творческой **Абсолютизации** всего.

11.

Таким образом, это возвышение человечества в высший аспект бытия, в аспект Истории в собственном смысле, где объединенное в Общем Деле преобразования мира, в Демиургическом братстве Творче-

ства-Труда, оно по самому своему существованию и сознанию будет на пути подлинно героического, — такое возвышение явится, вместе с тем, исторической квалификацией самого существования человека, в силу которой из обывателя борющегося за свое благополучие, он превратится в исторического деятеля — в высшем смысле слова, борющегося за благо всех. Тем самым, следовательно, такое демиургическое единство людей в Общем Деле преобразования мира явится приобщением к участию в Истории **всех**, когда не будет не только народов и классов не-исторических, но когда каждый отдельный индивид станет активной исторической величиной и когда, следовательно, героическое из возможности только избранных станет жизненным призыванием **всех**.

Само собой разумеется, мы здесь всюду говорим о **тенденции**, о направлении, о пути, в котором движется ближайшее развитие человечества. Но предел тенденции именно таков: он представляет историческую и идеологическую возможность величайшего нравственного переворота, несущего разрешение изначального конфликта между идеальным призванием человека и его реальным существованием. Таким образом, то, что было лишь символическим содержанием храмов в их отрешенности от жизни, явится в осуществлении этой тенденции реальным содержанием самой действительности; сама жизнь, само существование человека станет некоей его реальной, жизненной литургией, ибо подчиненное Общему, Целому, Всему, оно явится творческим служением Абсолютному.

В христианском теологическом сознании всегда было высшей мечтой, так называемое, «соцерковление жизни». Но в известном смысле это и есть то, к чему на исходе пройденной предварительной эры своего развития человечество вместе с наступлением новой высшей эры подходит. Только подходит с другого конца, с иными средствами, с иными понятиями и представлениями: не на путях мироотрицающего теологического сознания, а на путях мироорганизующего титанического сознания.

В каждом человеке, как бы он ни был низменен и ничтожен, дремлет герой, нравственная мощь существа высшего призвания и значения. Нужно лишь наличие соответственного героического поприща — с одной стороны и героического сознания — с другой, чтоб эта нравственная мощь могла реализоваться. Вот почему новая грядущая эра человеческого существования, которая несет с собой и подлинно героическое сознание и подлинно героическое поприще, явится эпохой героического по преимуществу, когда действительно героическое призвание человека станет уделом каждого и **всех**.

Столь вообще высокая оценка человека есть мировая традиция, проходящая через все глубины и высоты, которых человечество в своем историческом духовном пути достигало. Наше же время, в смысле своих **объективных возможностей** несет как бы актуальное осуществление, — исполнение этих глубинных и вершинных представлений о достоинстве и призвании человека. Лишь в срединных и поверхностных слоях исторического потока, в слоях срединной посредственности и пошлости преобладали всегда иные суждения и представления о нем. Но именно поэтому они суть не то, чем является сам подсудимый, Человек, а лишь то, чем являются сами эти его судьи. Те, что способны в глазах людей читать только «страницы злобы и порока», суть сами обычно лишь ничтожные и поверхностные люди, ибо измерить человек может лишь величиной, которая в нем самом есть. **Человек есть то, что он думает о других**. Ибо субъект всегда равен своему объекту. **Мера, которой мы меряем других, есть наша собственная мера**. И действительно, самые ничтожные и низкие натуры

обычно бывают самых невысоких и безрадостных представлений о других.

В качестве актуального синтеза всех предшествовавших вековых прозрений о величии и высшем достоинстве человека, грядущая прометеевская демиургическая эпоха должна будет принять, как свой основоположный постулат, представление о человеке, как **абсолютной Потенции** или — что тоже самое, как **потенциальном Абсолюте**, и уже из него исходя, направлять все свои усилия и творческие искания к реализации этой Потенции в действительности.

12.

Итак, повторяем, героизм — в жертвенном служении Общему, в положительной деятельности, имеющей сверхличное, универсальное значение. Для этого необходимы — соответственный социальный строй организации людей, представляющий нужное поприще для героического и соответственное идеалистическое миросозерцание, определяющее нужное сознание для него. Современная же буржуазно-материалистическая культура представляет собой — и со стороны своего сознания, и со стороны своего бытия, условия прямо противоположные, не только исключаящие возможность героического, но и прямо отрицающие его. **Индивидуалистическая** по структуре своего бытия и **материалистическая** по характеру своего сознания, она, тем самым, является эпохой последовательно **анти-героической, мещанской** в самом глубоком и подлинном смысле слова.

Героическое возможно лишь на почве **целостного** бытия, и лишь в свете **целостного** сознания. Обычно и нормально то и другое друг друга сопровождают. В современной же культуре сопровождают друг друга как раз антиподы того и другого. Она сплошь **атомистична** и в сознании своем и в бытии. Поэтому она не дает ни объективных, ни субъективных условий и предпосылок для возможности героического.

Раз'единившая и атомизировавшая жизнь до последних социальных клеточек, эта буржуазно-материалистическая культура превратила все интересы в частные интересы, каждое дело в личное дело, так что даже государство и общество рассматриваются лишь как суммирование частных, отдельных эгоизмов. Отсюда ужас одиночества, которое испытывает человек этой культуры. Мещанство, эгоизм, отъединенность и обособленность каждого, замкнутость и изолированность человека от мира, от Целого, от Общего — такова преобладающая структура всего существования здесь. Адекватное же такому бытию материалистическое сознание, так же все разлагающее и сводящее к реальности одних лишь материальных атомов, возводит такое существование в норму и закон, принципиально его освящает и утверждает. Таким образом, нет не только почвы, на которой могло бы вернуться и произрасти явление героического, но нет и идеала его. Напротив, господствующее материалистическое миросозерцание, это миросозерцание **панмещанства** отрицает и принципиально такой идеал.

По законченности и исключительности утверждения всецелого и всестороннего мещанства современная буржуазно-материалистическая эпоха не знает равной себе в истории. Еще никогда посредственность, пошлость, низменность и звериный, все определяющий собой эгоизм, не торжествовали так властно, открыто, безраздельно и с полным сознанием своей правоты, как в этом мире, впервые воссевшего на престол Хама-Мещанина. Учение Заратустры — Ницше о «великом презрении», как возможном источнике нравственного возрождения, здесь

даже не может быть уже применено, ибо тут и презрение уже невозможно, так как то, что есть, существует уже как нечто **естественное**, объективно данное, как закон человеческого естества.

13.

Индивидуализм и материализм бытия и сознания буржуазно-капиталистической цивилизации — основные определения ее существа. Обычно они оправдываются именем Свободы: первый именем свободы политической и социальной, второй — духовной. Но эта свобода буржуазно-капиталистической цивилизации есть лишь **негативная, «пустая»**, по выражению Фихте, свобода; свобода быть ничем, ибо человек «освобождается» как раз от всего того, на почве чего он только и может стать чем либо. Это свобода Робинзона, свобода одиночества, в холодной пустоте которого человек обрекается на постепенное опустошение и гибель. Как в социальной области эта свобода является «свободой умирать с голоду», так в духовной сфере она есть свобода на духовное небытие. Ибо подобно тому, как любовь возможна лишь там, где имеются, по крайней мере, двое, так всякое вообще проявление жизни возможно лишь там, где возможен контакт, взаимодействие, отношение, где возможно осуществление единства, в котором человек выходит из круга своей недостаточности, своей ограниченности, своей конечности. Современная же жизнь, насквозь партикуляризованная, раздробленная, индивидуалистическая и в сознании, и в действительности, превращает людей в социальные и духовные атомы, лишь **сталкивающиеся** друг с другом; встречающие друг в друге не свое продолжение и восполнение, а свое ограничение и препятствие. Каждый из таких изолированных атомов-индивидов находит в окружающем его мире не освобождающую бесконечность, а глухую стену, не широкое поле для своего проявления, а совокупность бесчисленных, наглухо отграниченных друг от друга отдельных клеток.

Тем самым, современная индивидуалистическая «свобода» есть в действительности всеобщая тюрьма, в которой каждый в отдельности, в изоляторе своей индивидуалистической скорлупы, заточен, как в темнице, в самом себе. Истинная свобода, свобода положительно-реальная, а не негативно-формальная — универсалистична; она не полагает, а снимает все ограничения. Не конечность в отъединении от всего, а бесконечность в единстве со всем — принцип ее утверждения, не частное, а Общее — ее территория.

Индивидуализм же и Свобода — две исключаящие друг друга категории, как исключают друг друга начала ограниченности и безграничности, начала эгоизма и любви. Свобода немыслима вне гармонического единства людей, вне отпущений их активного братства-сотрудничества, или это пустая, бессодержательная свобода, чисто негативная свобода небытия, свобода безвоздушного пространства, в котором может лишь задохнуться истинная жизнь.

Истинная Свобода есть предпосылка и цель героического деяния, как такового, ибо она является предпосылкой и целью Абсолютного подвига Творчества-Труда, подвига преображения мира. Выше мы уже говорили об организации мира, как имеющей своим предметом преодоление **необходимости** — пространственной, в плане Природы и временной, в плане Истории, — и тем самым, осуществляющей то подлинное Освобождение человека, которое означает преодоление его немощи, ограниченности, конечности и приобщение к бесконечности в гармоническом единстве со Всем. Современная же буржуазная ци-

визация не только не знает такого подлинного пути Освобождения, как пути организации мира и осуществления в нем высшего, героического призвания человека, но она всем сознанием своим и всем своим бытием отрицает его.

И действительно, в этом ее панмещанском царстве индивидуализма и материализма, где территория жизни разделена на бесконечное число почти непроницаемых друг для друга клеток и клеточек, негде развернуться большой героической силе, не в чем проявиться мощной всеобъемлющей любви, негде реализоваться значительному творческому замыслу. Все великое — универсалистично: оно стремится выйти из всяких границ. А наша жизнь, наш буржуазный мир сплошь изрезан бесчисленными, всеразъединяющими границами, о которые разбивается всякая большая воля, всякая значительная любовь и замысел, — и тем вернее, чем они значительнее и выше. Потому и выходом из этого панмещанского царства всеобщей ограниченности и эгоизма может быть лишь объединение человечества в Общем Деле преображения мира, как пути подлинного Освобождения, снимающего все эти индивидуалистические перегородки и ограничения, и создающего безграничную территорию для всякого проявления героической воли, замысла и любви.

14.

Итак, современная буржуазно-материалистическая культура и ее общественный строй отрицают героическое и в своем сознании, и в своем бытии.

А между тем, если в мире не было героического, то он не имел бы смысла, и если бы мы в своей жизни были лишены всякой возможности обретения героического, то не стоило бы жить. Ибо здесь дело идет ни о чем ином, как о реализации своего жизненного пути, своего призвания-назначения, как об утверждении своего высшего человеческого достоинства. Лишь извращенно-низшие натуры, подобно животным, могут удовлетворяться одним материальным самоутверждением. Нормальные человеческие натуры, поскольку человек есть не только натуральное, но и духовное существо, ищут сверх того, своего высшего, нравственного утверждения. И так как человек, как таковой, есть не столько натуральное, сколько духовное существо, то искание высшего, нравственного самоутверждения, потребность в героическом — в широком смысле слова, является, по существу, даже главной и наиболее глубокой его потребностью. Современное же буржуазно-материалистическое, мещанское общество, озабоченное исключительно удовлетворением одних лишь материальных потребностей человека и принципиально чуждое, даже враждебное, его нравственным запросам, тем самым исходит и предполагает одно лишь низшее натуральное существо человека, человека, как животного. Недаром оно начало с идеализации «естественного состояния» и с искания норм жизненных отношений по образцу животных отношений. Точно также и вся последующая эпоха этой цивилизации шла под знаком сведения и выведения человеческого из животного и духовного из натурального.

Роль буржуазии в мировой истории человечества, возведшей в подлинную религию свою мамонизм, роль самая низкая, и вместе с тем, в нравственном смысле глубоко преступная. Набивая человечеству карман, она обворовывала его душу. За средства к жизни, она выменивала у него самое жизнь. И теперь с опустошенной душой, но с набитым карманом, оно стоит более ничтожное в своей жизни, чем когда бы то ни было прежде, более бедное духовно, чем богатое материально.

15.

Таким образом, антигероическое существо материалистического мирозерцания, этого мирозерцания буржуазно-мещанской цивилизации, очевидно. Нензмеримо более возвышенна и сложна, но также анти-героична, хотя анти-героична с другой совершенно стороны и в противоположном смысле, природа второго, из трех вообще возможных основных видов сознания, природа теологического мирозерцания. Остается, следовательно, третье, мироорганизующее титаническое мирозерцание, которое, как говорилось, одно и является героическим в подлинном и собственном смысле слова.

Прежде всего, является несомненным, что теологическое мирозерцание отрицает Историю, т.е. то, что, как было уже установлено, и образует собой Путь утверждения героического сознания. Это особенно ясно на примере буддизма — наиболее приближающегося к чистой форме теологического мирозерцания. Но достаточно данных и часто даже более ярких и выпуклых, дает и христианство, хотя оно, в общем, значительно дальше отстоит от логически чистого прототипа теологического сознания.

И теологическое, и материалистическое мирозерцание являются нигилистическими формами сознания, ибо и то, и другое отрицают мир, — только теологическое отрицает его со стороны реального, материалистическое отрицает со стороны идеального. Отрицая же мир, они тем самым отрицают и Историю, которая в нем становится, которая и есть его История. Следовательно, и теологическое, и материалистическое мирозерцание являются одинаково антиисторическими формами сознания и тем самым, антигероическими его формами.

Отрицание мира и, следовательно, Истории теологическим мирозерцанием происходит из того, что идеальная действительность, являющаяся целью и предметом Истории, для него не заданна в «этом» мире, а дана в «ином», «потустороннем», «сверхъестественном» мире. Все равно при этом — будет ли этот идеальный потусторонний мир христианским «царством небесным», данным «не от мира сего», или буддийской «нирванной», скрытой под покрывалом реального бытия — в том и другом случае он уже существует и в творчестве, в создании его нет нужды.

Материалистическое же сознание в этом смысле еще безнадежнее и прямее. Если теологическое мирозерцание отрицает Историю, потому что высшая, идеальная действительность, являющаяся ее заданностью, для него уже дана, и дана в ином, «сверхъестественном» мире, то материалистическое мирозерцание отрицает самое реальность этой действительности и тем самым отрицает Историю еще более определенным и радикальным образом, или его «история» сводится к *Magenfrage* — к «пищевому вопросу», т.е. к борьбе за существование, к тому, что есть и у животных, и что, однако, не дает нам еще оснований приписывать им историческое бытие. У животных нет Истории, Историю может иметь лишь человек. Современная мысль работала даже понятие народов «исторических» и «не-исторических». И такое не-историческое состояние народа может объясняться или — в лучшем случае, его отрешенностью в теологическом сознании (Индия), или — в худшем случае, его погруженностью в материалистический бестиялизм, при котором такой народ, по существу, остается на уровне животных с их естественной борьбой за существование.

Повторяем, антиисторический характер материалистического мирозерцания очевиден и прост; гораздо более сложна анти-историческая природа теологического мирозерцания.

Из двух вышевыраженных предпосылок этой формы сознания —

большей, полагающей идеальную действительность уже данной и данной в ином, потустороннем мире и второй, меньшей, из нее вытекающей, полагающей необходимость отрицания «этого», «посюстороннего» мира ради «того», «потустороннего» следует вывод, в силу которого История является и **ненужной**, и **невозможной**. Ненужной она является в силу первой посылки, по которой идеальная действительность, являющаяся заданностью Истории, **уже дана**, и человеку остается лишь «сподобиться» ей и обрести ее после смерти в «загробной жизни»; невозможной она является в силу второй посылки, по которой ради «потустороннего», «сверхъестественного» мира отрицается реальный, «посюсторонний» мир, в котором только и может происходить История.

16.

Благодаря этим двум основным положениям своим, теологическое сознание исторически **демотивует** человека, обесмысливает его творческую миссию, обесценивает все усилия его, направленные к организации мира. Так, в частности, для христианства, мир уже «спасен». Приходит на землю в образе человека Бог, Спаситель, который и победил зло. Человеку же остается лишь соответственным, праведным образом жизни приуготовить себя к ожидающему его в «загробной жизни», «царству небесному», «раю» и т. п. История здесь не только не нужна, бессмысленна и бессмысленна, но она явно — с точки зрения этого сознания — уводит на ложный путь, отвлекает человека от «подлинного» дела спасения и замышляет **наряд** с существующим именем Бога воздвигнуть тоже, но именем человека.

Подлинное, последовательное христианство должно жить под знаком Апокалипсиса, под знаком конца мира. Если же так, то зачем тогда вся мировая История, весь этот Подвиг всего рода человеческого, Подвиг преображения мира; зачем все боренье, искания, творческие усилия, все, что создал, достиг, построил человек? Все это ненужная тогда «суета сует», а «единое на потребу», — это молитвенное ожидание катастрофического конца всего и зывание к завещанному «второму пришествию»: «да придет царствие Твое», «ей гряди, Господи Иисусе»... Для христианства все, что **можно** было сделать в мире, было сделано в «первое пришествие», и все, что **нужно** еще сделать, будет сделано во «второе пришествие». Роль и судьба человека в мире, таким образом, предопределена и со стороны прошлого, и со стороны будущего, и поэтому у него нет, собственно, ни роли, ни судьбы в нем. Следуя подлинному, **органическому** христианству всех веков и всех народов, его творивших, действительные его последователи должны были бы вообще отказаться от какой бы то ни было жизни в мире, а тем более от жизни, направленной на организацию его. И если путем компромисса и непоследовательности, оправдываемых теми или иными казуистическими ухищрениями, им все же удается отстоять себе кой-какое место в мире, то это уже надо отнести не на счет самого учения, а на счет его последователей. И это естественно: если-б возможно было во всем стать последовательным христианином, то тогда невозможно было бы жить; если-б мир последовательно стал христианским, то он должен был бы прекратить свое существование. С христианством можно умирать, но с христианством нельзя жить, а тем более нельзя творить Историю, преобразовать мир. По существу, христианство есть учение **не о жизни**, а **о смерти**, в частности, не о том, как **побеждать** смерть, а о том, как к ней **готовиться**. Поэтому также и все то, что оно обещает, оно обещает лишь после смерти.

64

«И нам живым дарует утешенье,
Что мертвым лишь блаженство суждено».

Его настоящая жизнь, это «загробная» жизнь, эта же служит лишь приуготовлением к ней. Христианство, таким образом, в своем наиболее решающем моменте ничем существенным не отличается от буддизма. Как и в буддизме, в нем также дверью к высшей действительности является **смерть**. История же в том и состоит, чтоб жизнью сделать невозможной смерть; она есть обратный поток от небытия к бытию, ее путь не в угашении всего (Нирвана), а в **пробуждении** всего, в Актуализации, в пределе — в актуализации мира и в нем человека, как потенциального Божества. Замысел Истории — замысел **абсолютного бытия**, замысел **Всеутверждения**, он в том, чтоб

«Все сущее увековечить,
Безличное — воочеловечить,
Несбывшееся воплотить».

17.

Героическое находится в ближайшем отношении к творчеству. Теологическое же и материалистическое мирозерцание суть одинаково анти-творческие формы сознания — прежде всего в силу их нигилистической сущности. Мы выше уже говорили, что оба они отрицают мир, только по-разному: теологическое отрицает его со стороны реального, материалистическое — со стороны идеального. Творчество же состоит в гармоническом **воссоединении** реального и идеального и в высшем утверждении мира в этом воссоединении. Оно, с одной стороны, есть **реализация идеального**, с другой — **идеализация реального**; то же и другое суть лишь различные стороны одного и того же акта Преображения, которое и является содержанием творчества.

Основная ложь, ложь антитезы теологического и материалистического мирозерцания состоит в изначальном расколе и противопоставлении в них идеального и реального, Неба и Земли, Бога и Человека. Синтез же прометеевского демиургического мирозерцания в том и состоит, что в нем преодолеваются все эти противопоставления. Такое преодоление и есть ничто иное, как творчество.

Поэтому путь творчества есть всегда путь Синтеза, путь Объединения, путь организации мира и, следовательно, героический путь. Он в том, чтоб должное осуществить в сущем и сущее преобразить в должное. Следовательно, это двойственный путь. Его целью и предметом является **Встреча** и реализация ее в гармоническом Единстве и целостном бытии, — встреча данного и заданного, реального и идеального, сущего и должного. Творческий акт и есть акт такой Встречи. В нем конечное приближается к бесконечному, в относительном реализуется абсолютное. В этом процессе и пути и состоит путь и содержание преобразования мира.

В творчестве Бог встречается с Человеком, в результате чего рождается, таким образом, новое, идеально-реальное, высшее существо, Человекобог, вмещающее в себе реальное и идеальное существо того и другого. В этом Рождении и состоит **субъективная** сторона Истории — Мирового Ставления.

Истинные творцы суть сыны Неба и Земли, двойственно-единые существа, все антитезы мира в себе вмещающие и творчески преодолевающие их. Субъект творчества, как таковой, — не Бог и не Человек, а человек, становящийся Богом, Человекобог, — двойственно-

65

единое и тем самым, трагически-героическое существо, — наиболее несчастное в мире и самое счастливое в нем.

В тоже время, в качестве такого едино-двойственного и двойственно-единого существа и потому существа трагического — с одной стороны и, следовательно, героического — с другой, субъект творчества, вмещающая в себе все раз'единения мира и творческие воссоединения их, является существом, в известном смысле, одновременно и самым ничтожным, и самым великим в мире.

Каждый человек есть соединение противоположностей и их борьба; субъект же творчества, как таковой, Творец в исключительном смысле слова, есть соединение предельных противоположностей и их предельная борьба. Поэтому чем одареннее человек, тем он полнее, тем дальше в глубь и в высь простирается его существо. Но тем больших масштабов происходящая в нем борьба и тем больших размеров достигаемая им Победа.

Все грехи мира и его слабости, Творец, как таковой, все познающий, берет на себя, ими отягчая себя. Но лишь так, лишь в максимуме трагического возможен максимум героического, лишь вступив в наибольшую борьбу, возможно достигнуть наибольшей Победы. Жертва в ничтожестве, в своем глубинном происхождении, Творец есть Победитель в своем восходящем величии. В нем трагическое и героическое составляют один и тот же путь, лишь обратный направленный, диаметрально-противоположным образом обращенный. Этот трагически-героический путь творчества исходит, преодолевая ее, из основной противоположности мира: противоположности сущего и должного, реального и идеального, данного и заданного. Поэтому прометеевское демиургическое мирозерцание, которое и есть единственно творческое сознание, не является ни оптимистическим, ни пессимистическим мирозерцанием, а трагическим — с одной стороны и героическим — с другой. Эти же категории суть коррелятивные категории. Они друг друга обуславливают и предполагают. Не может быть трагедии не у героя. Не может быть героя без трагедии.

Вероятно, в этой тайне полярности бытия, порождающей соотносительность трагического и героического, тайне двух бездн, двух полюсов бытия — глубины ничтожества и высоты величия, заключена и своеобразная тайна христианского мифа о Боге, приходившем в образ предельного уничтожения и жертвенного страдания в мир. Но в христианстве превалирует, именно, трагическая сторона жертвенности и немощного уничтожения, а не героическая сторона Победы и творческого Величия. Религия христианства есть культ немочи и убожества. И в этом отношении христианство — как ни одной другой эпохе — чуждо нашему времени. Всякое проявление героического начала величия и победного начала могущества им рассматривается, как антигетическое себе начало. И это естественно: ведь величие и могущество суть героические категории творчества. Христианство же — подозрительно к творчеству, по существу даже враждебно. Его человек — тварь, а не Творец. Его путь Спасения — не героический путь Истории, этот путь Творчества-Труда.

Больше того, христианство противопоставляет путь Спасения и путь творчества. И для него, полагающего идеальное бытие данным и данным в «потустороннем», «сверхъестественном» мире, такое противопоставление необходимо и внутренне закономерно. Но при этом противопоставлении творчество лишается смысла. Оно его может обрести лишь при совпадении этих понятий, когда путь творчества и есть путь Спасения, а путь Спасения и есть единственный путь творчества. Такое же совпадение означает отказ от христианского теоло-

гического мирозерцания и утверждение прометеевского демиургического мирозерцания. Следовательно, только на основе последнего и может быть обретен абсолютный смысл творчества.

18.

Итак, творчество не может быть обосновано ни на почве антиидеалистического материалистического мирозерцания, не знающего Неба, ни на почве анти-реалистического теологического мирозерцания, лишенного Земли, ибо оно и состоит в воссоединении Неба и Земли, в синтетическом претворении идеального и реального. Следовательно, оно может быть обосновано лишь на почве целостного гармонического мирозерцания. Его предметом является не Небо и не Земля, а высшее гармоническое единство того и другого: преображенная Земля и низведенное на Землю Небо.

Но будучи воссоединением Неба и Земли, оно, тем самым, является носителем Нового Неба и Новой Земли. Поэтому именно в творчестве состоит содержание и путь преображения мира, именно оно является источником и носителем героического. Каждый акт творчества есть акт Выхождения из-себя для вне-себя, в каждом акте творчества есть трагическая жертва и героическое Торжество. В нем индивидуальное и частное восходит к универсальному и Общему, конечное и относительное приближается к бесконечному и Абсолютному.

Героическое есть высшее проявление творчества. Когда творчество достигает полноты своего осуществления, оно выступает в ореоле жертвенного торжества, излучает высший свет утверждающего величия. На этой ступени исполнения его оно и предстает в своей высшей квалификации, как героическое.

Героическое есть, таким образом, постоянный предел полноты проявления творчества. Оно свидетельствует о подлинности и значительности его, чего в свою очередь достаточно, чтоб творчество явилось в том же ореоле героического. Поэтому жизнь настоящего ученого, поэта, общественного и технического организатора и всех тех вообще, кто являются подлинными творцами Истории, если эта жизнь искренна и последовательна, является в скрытой своей внутренней сущности подлинно героической, — как бы ни была она бедна и поверхностна в своем общем облике и содержании. Лишь отсутствие целостного героического сознания и героического поприща, надлежащим образом организованного, препятствует такой жизни быть подлинно значительной и освещенной высшим смыслом призвания и достоинства ее. Сама по себе причастность к творчеству есть уже близость к алтарю, где совершается подлинная мистерия бытия, мистерия становления Абсолютного.

Точно также и наоборот: «ненужность затраты творчества быстро низводит большинство цивилизованных людей на степень обывателей мира» (Блок, т. VII).

Но говоря о творчестве, как основе, источнике и внутреннем содержании героического, необходимо брать это, центральное для нас понятие, не в его современном зачаточном и внешне извращенном состоянии и виде, а в его развернутом и раскрытом существе и значении, в осознанном и осуществленном призвании и смысле его.

В таком же виде и состоянии творчество может быть осуществлено лишь при наличии двух основных условий его утверждения: объективного, исторического условия — соответственного героического поприща его реализации, каковым, как мы отчасти уже показали, может быть лишь объединение людей в Общем Деле преображения мира, по-

прище Истории в собственном смысле, и субъективное, идеологическое условие — соответственное героическое сознание, каковым может служить лишь мироорганизующее титаническое мирозерцание, которое одно способно указать ему соответствующее назначение и смысл.

Лишенное такого героического поприща и героического сознания, творчество, будучи, однако, по самой природе своей явлением героического порядка, так как в нем и осуществляется жертвенный акт Преображения, акт возведения индивидуального к универсальному, частного к общему, конечного к бесконечному, — является обреченным на беспочвенное, беспредметное и неосознанное существование.

19.

Современное же буржуазно-материалистическое общество не представляет ни соответственного героического сознания, ни героического поприща для творчества или таким «поприщем», для него в этом обществе служит базар, лабаз, место приказчика за торгашеским прилавком. Иными словами, это «поприще» является для него не осуществлением его, а его осквернением. — Это священное призвание женщины, подмененное профессией проститутки. Ибо современное буржуазное общество протитуткирует творчество — в лучшем случае и обрекает его на ненужность — в худшем случае. Тем самым, оно не только подавляет его социально, но и убивает духовно. Поэтому самый страстный и священный протест против этого общества должен был бы раздаваться именно **отсюда**. Ведь марксистский «пролетарий» и капиталистический буржуа лишь в социальном отношении — антиподы. В духовном отношении они суть родные братья, больше того, — духовные близнецы. И мы теперь знаем, что случилось с творчеством там, где на смену строя буржуа пришел строй «пролетария»: оно из капиталистической лавки было переведено в «социалистическую» тюрьму.

Буржуазно-материалистическая цивилизация это иудина цивилизация, все самое высокое сводящая и предающая за «тридцать сребренников». Образ Иуды — лучший для нее символический образ. Марксизм же эту иудину цивилизацию капитализма возвел в закон и принцип всякого существования, — в идеологию. Ведь «экономический материализм», сводящий все высшие ценности в качестве производной «надстройки», к хозяйственным интересам, в качестве всеопределяющего «базиса», это и есть иудина идеология и мораль. Поэтому творчество, попав из торгашеской лавки капитализма в полицейский участок «социализма», не только не освобождается из под власти иудинной морали и его установлений, но, наоборот, эта власть здесь становится усугубленной, квалифицированной. Ибо здесь тот же Иуда становится поллицейским, и свободный режим подчинения всей жизни «тридцати сребренникам», превращается в принудительный режим, возводящий это подчинение в норму и содержание жизни всего общества.

20.

Таким образом, здесь в этом царстве буржуазно-марксистского материализма не только нет ни сознания, ни поприща подлинно героического, но безраздельно властвует антигероическая мещанская стихия, ибо исключительный, интегральный «экономизм» этого уклада жизни это и есть настоящая, доподлинно мещанская стихия.

Теологическое мирозерцание, как дальше увидим, все же ука-

зывает свой жизненный путь высшего утверждения человека, хотя он и не может быть принят, как ложный и лишенный подлинной значительности, путь. В буржуазном же обществе, с его мещанским материалистическим мирозерцанием человек знает лишь «идеал» обогащения. Знаменитый девиз: «**обогащайтесь**» и есть главный и верховный его девиз. Богатство и вообще внешнее и материальное положение является тем, чем движется и определяется вся жизнь масс капиталистического общества, как такового. Даже высоко-творческий труд, если не считать отдельных избранников, является в этом обществе ни больше, ни меньше, как товаром, который покупается и продается, является не столько формой служения, сколько источником заработка, не столько призванием человека, сколько его профессией. Ясно, что на этом материалистическом пути буржуазного общества, человек не только не может обрести своего высшего утверждения, но что на нем он в духовном смысле неотвратно гибнет. То, что во все времена, во всех, сколько нибудь значительных, учениях о жизни было предметом **отталкивания**, капитализм возвел в жизненный идеал, — и не только отдельной личности, но и целых народов, классов, человечества вообще. — Капитал, деньги, показатели роста материального благополучия стали высшими критериями всех оценок его.

Марксизм же со своим приматом «экономического базиса» и производностью «идеологической надстройки» явился лишь последышем и завершением этого буржуазного сознания, — открыто, напоказ, как нечто закономерное и естественное, выставившим эту его отвратительную наготу, которой сама буржуазия еще стыдилась, ибо ведь «экономический материализм» это и есть жизненная философия и мораль капиталистического строя, для которого экономика из средств существования превратилась в цель и смысл жизни.

Отсюда то снижение и опустошение человека, то измельчание и опошление его, зрелища которого мы, современники этого строя, являемся свидетелями. Никогда, в самые темные моменты своей истории, человек — в среднем своем уровне — не опускался так низко, как теперь. Даже на стадии своего варварского, до-культурного состояния, он был выше, по крайней мере эстетически, того состояния материалистического вырождения, в котором ему стала по-плечу одна лишь материалистическая философия, эта «философия свиней», по выражению Карлейля, или по немецкому выражению, «*bauei philosophie*», — «философия брюха».

Экономический материализм это — патология современного буржуазного общества, которую марксизм возвел в физиологию всякого общества. И как патологическое отображение **капиталистической эпохи** эта доктрина, действительно, верна. Поэтому, если буржуазно-материалистическая эпоха была фактически постепенной убылью героического в мире, то марксистский социализм и принципиально не знает никакого иного бытия, кроме всестороннего, интегрального мещанства. Для меня идеальное, говорил Маркс, лишь преломленное в сознании материальное. Следовательно, реально лишь материальное бытие, идеальное же имеет лишь служебное и производное значение. Уже А. Смит требовал резко различать человека в области этики, наделенного одним альтруизмом и человека в области экономики, наделенного только эгоизмом. Марксизм, полагая во главу угла всего человека экономикой, провозглашает, таким образом, первоосновой всего эгоизм, — т.-е. не только анти-героическое, но и вообще анти-этическое начало.

Патологическим парадоксом буржуазной эпохи, симптоматичным для нее, является то, что пророками в ней стали экономисты. Одним из

таких «пророков» и был Маркс, эконоимический трактат которого стал для известной группы «енангелием». Вся проблематика бытия была, таким образом, сведена к хозяйственным вопросам, а человек во всем своем бесконечном существе был сведен к хозяину, — к homo oeconomicus.

Для марксизма также, как и для капитализма, нет вообще понятия ценности, а есть лишь понятие цены (О. Уайльд), нет критерия ценного, а есть лишь критерий полезного. Но только марксизм все такого рода тенденции капитализма довел до логического конца, возвел их на уровень идеологии. Поэтому если и можно здесь говорить об историческом изменении, то лишь в смысле деградации: в марксистском социализме **мещанин-хам** сменяется **хамом-хулиганом**. А все этакое рода категории по самой своей природе, конечно, враждебны героическому призванию творчества, как такового.

21.

Но марксистское материалистическое отрицание героического отличается от буржуазно-материалистического отрицания его не только степенью, но и, так сказать, не-достоинством своим. Печать особой извности лежит на этом отрицании. Ибо в отрицании этом реальность идеального не просто и грубо отвергается или признается не существенной, а дискредитируется, низводится к корыстному («экономическому») источнику и побуждению, заподозривается в своей идеалистической подлинности и чистоте, «разоблачается» и развенчивается. За всяким проявлением жертвенности, служения, подвига, возвышенного поступка оно видит лишь скрытый или открытый, сознательный или бессознательный корыстный материальный интерес, низкое и низменное намерение и побуждение, которыми, по его утверждениям, и определяются все эти «идеологические надстройки».

Роль идеального здесь — роль лицемерного лакея на службе у материального: оно призвано лишь прикрывать, скрашивать, отражать собой единственную подлинную реальность — корыстный материальный интерес. Так, христианство было сперва лишь идеологическим выражением классовых интересов рабов, восставших против своих эксплуататоров, рабовладельцев, а потом оно превратилось в идеологическое орудие материальных интересов новых рабовладельцев в их подавлении и эксплуатации новых рабов. — Вот и все христианство. Гуманизм, либерализм, философия 18 века? — Все это идеология материальных интересов нового восходящего класса буржуазии. Нише? — Это певец немецкого юнкерства и всяческих вообще феодально-аристократических, господских замашек. Бергсон? — Фашист. А фашизм это перевооружившийся крупный капитал и финансовая олигархия. И, следовательно, Бергсон — «агент», «лакей», «подголосок» интересов этой самой олигархии. И т. д., и т. д.

Если уместно в сфере идей говорить о «не-благородстве», о «рабьей» природе, о хулиганско-смердяковской сущности, то именно такого рода понятиями и можно охарактеризовать этот гнусный вид анти-идеалистического пингвилизма. Он не разрушает, а разлагает, не отвергает, а чернит, не отрицает, а дисквалифицирует, клеветает, избрасывает тень, «разоблачая» единственно для него реальную, низкую и низменную подоплеку. И это не только теория, это и практика марксизма. Достаточно познакомиться с его «освещениями» исторических событий и роли исторических лиц и общественных групп в них. Самое нетребовательное сознание передернет брезгливостью от этаких «освещений», за которыми в действительности явно скрывается лишь моральная дефективность самих этих «освещений». «Объяснение» кре-

стовых походов интересами «торгового капитала», «истолкование» даже великих поэтов, философов и писателей теми социальными классами, которых они «выражали» — таковы примеры из «истории» и «истории культуры», построенных «методом» марксизма. Профанация, осквернение, оплевывание, сведение всего высокого и возвышенного к низкому и низменному, — трудно представить себе что либо более деморализующее, опоганивающее и оскверняющее всю жизнь и все, что в ней есть значительного и прекрасного, чем это «учение», стремящееся все опознать и оподлить, снизить и принизить, разоблачить и изобличить.

Спрашивается лишь, — это ли **новое** высшее сознание и этим ли может жить человек грядущего исторического Дня, на высоте подлинно прометеевского величия своих достижений!? В этом ли исход из великого духовного кризиса, в который вступило современное человечество и обретение им новых высших форм духовной жизни, соответствующих величию и грандиозности новой наступающей эпохи!? Достаточно лишь поставить эти вопросы, чтоб ответить на них определенным образом.

22.

Материалистическое мирозерцание, как отрицающее реальность идеального, по существу не знает и даже отрицает понятие призвания и назначения человека, ибо это понятие — идеалистического порядка. Поэтому лишь та или иная форма идеалистического сознания может так или иначе обосновать и утвердить его.

Но вообще возможны лишь два **основных** вида идеализма, полагающих и утверждающих **Абсолютный идеал**, выражающих целостное сознание: — **символический** идеализм религиозного теологического мирозерцания и **реальный** и **реализационный** идеализм прометеевского демиургического мирозерцания. Поэтому так же возможны лишь два представления о назначении человека, лишь два пути призвания его: древний **моралистический** путь **благочестия** — **святости** и **грядущий творческий** путь **геронизма** — **величия**. Первый путь есть путь **Аскезы** — в широком смысле — путь религиозного теологического сознания, второй путь есть путь **Истории**, путь прометеевского демиургического сознания. Лишь третье, материалистическое мирозерцание не знает и не указывает никакого жизненного пути. Оно в подлинном и глубоком смысле **без-путная** форма сознания, обрекающая человека на духовное ничтожество и небытие. На нем не только нельзя обосновать никаких представлений о высшем достоинстве человека, но суть его и состоит в отрицании такого высшего достоинства его. Оно знает и решает вопросы **существования**, но не знает и даже не ставит проблем **жизни**. Поэтому оно, по существу, ничем не возвышается над уровнем животного. Его «идеалы», идеалы существования, исчерпываются вопросами благополучия и обеспеченности, т.е. мещанскими «идеалами», тем, что вытекает лишь из низшей, животной природы человека, но не из его высшей, собственно человеческой природы.

Мы эти «идеалы» материалистического мирозерцание берем в кавычки, так как лишь идеалистическое сознание, по самому понятию своему, может иметь тот или иной идеал. Материалистическое же, как антитеза идеалистического, не может иметь никаких идеалов. Больше того, его «идеал» и состоит в преодолении всяких идеалов. Вот почему образ человека этого сознания складывается из всего того, в чем и отрицается всякий человеческий идеализм: из мещанства, хамства, хулиганства, со всеми производными из этих понятий: филистер-

ством, пошлостью, утилитаризмом, цинизмом, беспринципностью, скептицизмом и т. п.

23.

Религиозный теологический идеал благочестия, в пределе — святости — в **отрешенности от мира**, грядущий демиургический прометеевский идеал героизма — величия в **преображении мира**. Ибо мироотрицающее теологическое мирозерцание относит идеальный миропорядок в потустороннее бытие, мироорганизующее прометеевское же мирозерцание стремится осуществить его здесь, в этом реальном мире. Поэтому его источник не «благодать», а творчество, его стремление не «сподобиться», а **достигнуть**. Его путь, — не путь Аскезы, а путь Истории, не пассивное **приуготовление** себя к высшей идеальной жизни, а активное служение к **созданию** этой жизни здесь, в этой реальной действительности.

Таковы основные противоположения древнего и рождающегося нового пути стремления человека к **Абсолютному**. Святость — пассивное состояние добра, лишь самое себя утверждающее; героизм — активное его состояние, он — добро творящее. Святость в том, чтоб **быть**, героизм в том, чтоб **создавать**, следовательно, **быть, создавая**, ибо нельзя создавать и не быть в то же время. Святость относится к героизму так, как **пребывание** в идеальном к **созиданию** идеального и, следовательно, как благочестие относится к творчеству.

Поэтому предмет первого — самопреображение человека, предмет второго — преобразование мира и, следовательно, в нем и вместе с ним преобразование также и человека. Святость в том, чтоб **«спасаться»**, героизм в том, чтоб **спасти мир**. В этой дилемме: «спасаться» или **спасти мир** и состоит противоположность путей Аскезы и Истории.

Путь Аскезы полагает, что **дело Спасения — личное дело**, путь Истории утверждает, что **дело Спасения — Общее Дело**. Путь Аскезы — индивидуалистический путь. Его **предельным** выражением является отшельничество. Здесь каждый спасается сам, от себя и через себя, отношение к другим служит лишь поводом для преуспеяния в благочестии. Наоборот, История, как таковая, есть **универсалистический** путь, она по самой природе своей невозможна без осуществления **Общего**. В ней **судьба каждого зависит от судьбы всех, и судьба всех зависит от судьбы каждого**. Здесь все ответственно за всех. Ни для кого не может быть безразлично ничье отдельное существование, ибо существование самого ничтожного обуславливает существование всего. Самый последний так же необходим, как самый первый, самое малое дело так же нужно, как самое великое.

Таким образом, между теологическим путем Аскезы и прометеевским путем Истории, между творческим призванием героизма-величия и моралистическим призванием благочестия-святости существует радикальная и полная противоположность — индивидуалистического и универсалистического пути Спасения, — противоположность дела Спасения, как частного дела и дела Спасения, как **Общего Дела**.

Но поэтому древний теологический путь-идеал благочестия-святости имеет и своего рода преимущества. Святость возможна везде и всегда, — вне зависимости от каких бы то ни было специальных условий. Для нее нужны лишь внутренние субъективные данные. Наоборот, героизм требует соответственного **поприща**. Он субъективно-объективен. Его подвиг не в состоянии, а в действии, не только в том, чтоб быть добрым, а и в том, чтоб **создавать добро**. Героизм предполагает жертвенность, ибо творчество, его путь, это путь самоотдачи; в нем отдельное отдает себя **Всему** и через то во **Всем** находит свое утверждение. Отрешенность от всего — там и приобщенность к нему является тем, чем движется и определяется вся жизнь масс ка-

Всему — здесь — таковы пути святости и героизма. Поэтому, если для наиболее благоприятных себе, условий, святой идет в пустыню, — герой должен идти в мир. Не уход от мира, а максимальная причастность к нему, не в **отшельничестве**, а в **общественности** — путь и поприще его высшего утверждения. Такой путь — поприще подлинного героизма становится возможным лишь теперь, с рождением новой высшей эры человеческого существования, эры Истории в собственном смысле. Он дается в Абсолютном подвиге преобразования мира, в Демиургическом братстве Творчества-Труда.

24.

Святость является постоянным пределом достижений моралистического благочестия, как величие является пределом достижений творческого героизма.

Понятие величия не применимо к явлениям теологического порядка. Так, например, нельзя было бы какого нибудь святого назвать «великим человеком» в том смысле, как мы говорим: **Петр Великий**. Это обозначение применимо лишь к историческим героям, выдающимся деятелям на **историческом** поприще. С другой стороны, понятие святости никак не применимо к героям-исторического деяния: нелепо, например, прозвучало бы обозначение Юлия Цезаря «святым» или обозначение «святой Гете». Там и здесь мы ясно чувствуем пассивно-моралистический смысл отрешенности в понятии святости и активный, творческий смысл мировоздействия в понятии величия. Святой ничего не **«сделал»** великого, ничего не создал; он лишь **был** святым, был праведником. Поэтому он мог стать тем, чем он является, будучи и в пустыне и именно будучи в «пустыне», — в отрешенности от всего. Напротив, герой, отмеченный величием исторического деяния, должен именно нечто **«сделать»**, нечто значительное **«создать»**. Его подвиг не только не в отрешенности, не в уходе от мира, но, наоборот, в высшей и предельной приобщенности к миру, в величайшей активности в нем.

Героическое в своей подлинной сущности, как выше говорилось, есть явление исторического порядка, и настоящие творцы Истории, как бы они ни были малозначительны, суть герои. Вот почему, в их высших достижениях, мы им присваиваем звание «великих».

История же есть Абсолютный подвиг преобразования мира, — Общее Дело всего рода человеческого, в ней и через нее актуально единство и раз'единения и осуществление актуального Единства реализующейся в ней Вечности. Вот почему История есть **путь бессмертия**, путь увековечения всего в постоянном воссоединении бывшего и грядущего, путь Мирового Становления — Восстания — Воскресения.

Именно поэтому мы своим подлинно историческим, творческим свершениям даем не только героическое звание «великих», но и торжественное обозначение «бессмертных». Ибо История, сущность которой в преодолении времени — с одной, отрицательной стороны, и в осуществлении Вечности — с другой, положительной стороны, есть путь героического Всеутверждения во Всеединстве, путь прометеевской демиургической Победы.

«Ничтожное раз'единяет, великое объединяет» (Гауптман). Но можно также сказать и обратное: ничтожество в раз'единении, величие в единстве. Ибо в организации мира, в гармоническом объединении людей и состоит героический путь величия, творческий путь Истории в собственном смысле.

Великое, — предмет героического замысла и свершения, есть то, чем заряжена История и чего взыскует ее пламенная творческая стихия. Величием измеряются ее качества и величины, оно является тем, в чем исполняются все значительные исторические события. В нем исходная сокровенная музыка Истории, та «гармония сфер» Исторического Космоса, которая свидетельствует о свершающихся в нем актах всевременного Единства. Если История есть Абсолютный подвиг преобразования мира, то величие является тем ореолом, которым озаряются его высшие моменты.

Одного из таких моментов являемся свидетелями и зрителями мы, — современники грандиозного исторического взрыва в Русской Революции, поскольку мы умеем возвыситься над ее теперешней, чисто-негативной стадией. В Истории слух простирается дальше, чем зрение, и в ней услышать можно больше, чем увидеть. Вот почему Блок, который умел не только наблюдать, но и «слушать» Историю, мог, вопреки всему, услышать в нашей трагедии ту «музыку» о Великом, которое она пытается и не может еще выразить. «Революция, — говорит он, — как грозовой вихрь, как снежный буря, всегда несет новое и неожиданное, она жестоко обманывает многих, она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невинными и недостойных; но это — ее частности. Это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот, все равно, всегда, — о великом («Интеллигенция и революция»).

Великое, как объективная реальность, это нечто значительное, большое, грандиозное, исполненное соответственного нравственного достоинства. Это, так сказать, качественно-количественное понятие. Вот почему можно думать, что грандиозные возможности нашей современной действительности, просветленные соответствующим им нравственным принципом, являются источником небывалого, высшего величия грядущей, новой действительности. Такой нравственный принцип несет зарождающееся в нашей время героическое прометеевское сознание. Когда эти грандиозные возможности превратятся из орудий ненависти в орудия любви, — новой, всеобъемлющей, универсальной любви, все во всем утверждающей, — из средств эгоизма и вражды в средства служения и сотрудничества, — другими словами, когда из принадлежности частного дела, служащего относительным и низменным идеалам, они превратятся в принадлежность Общего Дела, служащего Абсолютному идеалу, тогда эти грандиозные возможности обретут соответствующее им Величие и из источника катастрофических смятений и зловещих тревог, превратятся в источник вдохновенного счастья и творческого мира человечества. Это и будет то «царство Божие», тот «золотой век», «рай» и т. п., о чем грезило в своих мифах в течение всей своей предыдущей предварительной эры исторического развития человечество, но для осуществления чего оно не располагало ни соответственными творческими возможностями реализации, ни знанием соответственных путей этой реализации.

Грандиозности же скрытых возможностей нашей действительности никто не станет отрицать. Уже в наше время их обозримые размеры достигают невероятных, сверхчеловеческих масштабов. Но с каждым днем эти размеры с нарастающей быстротой становятся все больше. Мы окружены со всех сторон миром безмерного и невообразимого, полного самых неограниченных, всепозволяющих возможностей. И когда этот грандиозный, дремлющий еще потенциально мир, будет вдохновлен соответственной нравственной Идеей, он станет резервуаром всепобеждающего Величия.

Таковы, во всяком случае, подмостки, на которых должна будет разыгрываться жизнь завтрашнего, рождающегося нового человечества, таков фон, на котором должен будет вырисовываться образ его грядущего нового существа. Это главное и основное, из чего нужно исходить, ибо, во всяком случае, человек не может быть ниже своих собственных возможностей, — наоборот, он — существо стремящееся всегда превзойти их.

Поэтому, создавая «мистичку» грандиозности грядущих новых соотношений человеческого бытия, мироорганизующее творческое всемогущество нового, рождающегося в нашу эпоху человека, мы предвосхищаем первоидею и стиль, пафос и замысел новой наступающей эры человеческого развития, эры Истории в собственном смысле.

25.

В соответствии со своим общим идеалистическим характером, теологическое мирозерцание и титаническое утверждают гармоническое отношение человека к человеку, — в той или иной форме — идею братства; лишь материалистическое мирозерцание, как таковое, если оно хочет быть последовательным, должно утверждать антагонистическое отношение людей. — Ведь животная природа человека, его низшее, материальное существо являются в его представлении главными и определяющими. Содержание и предмет бытия человека, по его теории, ничем существенным не отличаются от содержания жизни животного, которая вся сводится к борьбе за существование. В этом же «естественном состоянии», в котором борьба за существование является главным, всеопределяющим мотивом жизни, царствует закон «войны всех против всех» — bellum omnium contra omnes. В этом плане бытия «человек человеку — волк» — homo homini lupus. Тем более, что и представления о человеке в материалистическом сознании таковы, что не позволяют в нем видеть что либо большее, чем простое животное, наделенное лишь более усовершенствованными орудиями борьбы за существование. Ведь если человек только животное, только «волк», то и отношение к нему может быть лишь как к животному, как к «волку», тем паче, если и сам относящийся — ничто иное, как животное, как «волк».

Эти два основных положения материалистического мирозерцания: закон — bellum omnium contra omnes и принцип, что homo homini — lupus, утверждаются — скрыто или открыто — даже философией материалистического сознания, — если о таковой вообще можно говорить. Но тем последовательнее и полнее они проявляют себя в жизни, на практике — там и постольку, где и поскольку их не обуздывают какие либо высшие, гармонизирующие начала человеческого общежития. Но лучшей иллюстрацией этих положений является современная буржуазно-материалистическая действительность, в которой эти «естественные» начала до-человеческого бытия являются руководящими не только в «подпольной», подземной стихии бытия людей, но и в их высших, общественных и политических взаимоотношениях. Строй этот с его подлинно «естественной», лесной моралью, с волчьим отношением человека к человеку, свидетельствует, что «философия» материализма именно такова и что это далеко не одна только философия.

Людей объединяют высшие духовные ценности; низшие материальные интересы их разединяют. Следовательно, в том плане низшего, материального бытия, в котором замыкается материализм, господствует стихия разединения, а не единства, антагонизма, а не гармонии.

Вот почему материализм глубоко **антисоциален**. Его стихия — зоологического, а не социального порядка. Поэтому всякая попытка построить на базе этого мировоззрения ту или иную **гармоническую** форму общечеловечности заведомо является порочной и несостоятельной, так как несет в себе коренное внутреннее противоречие.

Все социальные категории единства, гармонии, солидарности, любви суть категории идеалистического порядка. Материализму они не только не понятны, но и принципиально враждебны и чужды, как понятия именно идеалистического мировоззрения.

Вместе с тем, соединяя в себе **механистический** взгляд на мир, материалистическое миросозерцание **атомизирует** бытие. Поэтому оно, как правило, сочетается именно с индивидуалистическими доктринами. Материалистический универсализм или материалистически обоснованные социальные теории, суть лишь продукты грубого недомыслия, которые могут быть объяснимы исторически или психологически, но не могут быть оправданы по существу. Даже тогда, когда материализм пытается обосновать реальность сверхиндивидуального порядка: общество, государства и т. п., он вынужден исходить из тех же частных, эгоистических интересов. Но стремится преодолеть эгоизм, исходя из эгоизма, это значит пытаться вытаскивать из эгоистического болота самое себя за свои собственные волосы. Такая попытка есть закодированный круг, из которого нет выхода. Лишь благодаря, обычно контрабандным образом вводимым идеалистическим понятиям, ему удается «преодолеть» этот круг.

26.

В противоположность антисоциальной, антагонистической природе отношений человека к человеку, подразумеваемой в материалистическом миросозерцании, два других вида сознания, полагающих гармонические, идеалистические отношения людьми, являются носителями вечной идеи братства.

Однако, есть существенная, радикальная разница между идеей братства, как она выражается в религиозном теологическом миросозерцании и идеей братства, как она утверждается в прометеевском титаническом сознании. В первом она есть лишь пассивная, **моралистическая** категория, во втором она — **творческая** и **онтологическая** категория.

Идея братства в теологическом сознании — если не считать требований друг друга «любить» и «помогать» — является, по существу, **беспредметной** и не направленной ни на что, так как она лишена той движущей и конституирующей ее Цели, которая в этом миросозерцании уже дана и дана, при том, в царстве «не от мира сего», в «потусторонней», «сверхъестественной» действительности, так что ни **возможности**, ни **надобности** в ее реализации и творчестве нет, — нет, следовательно, ни надобности, ни возможности и для активного, целеустремленного творческого братства — сотрудничества на почве этого миросозерцания.

Напротив, идея братства в прометеевском демиургическом миросозерцании — активна и целеустремлена по самому существу своему, так как и **Цель** его — Абсолютный идеал преображения мира, и **Путь** ее осуществления — объединение людей в Общем Деле реализации этой Цели, исходят и предполагают такое активное, творческое братство людей, братство — сотрудничество.

Как было сказано, дело Спасения в теологическом сознании есть **личное** дело, и его можно осуществлять, находясь даже в пустыне, не

зная и не видя никого; напротив, дело Спасения в прометеевском демиургическом сознании есть **Общее** Дело и по самому понятию своему, требует и полагает подлинное, реальное и активное братство людей, **братство всего рода человеческого**. Таким образом, здесь это не простое моралистическое требование, как в теологическом миросозерцании, а условие, от которого зависит возможность реализации высшего достоинства человека, как абсолютного существа. Тем самым, братство здесь возводится в высшую степень своего достоинства: оно выступает, как **братство-сотрудничество**. Оно есть не только братство, так сказать, «на-деле» и в «деле», но, при том, в деле высшего абсолютного порядка — в Общем Деле преображения мира, в Абсолютном подвиге Творчества-Груда. Такое демиургическое братство-сотрудничество, имеющее своим предметом и поприщем Общее Дело всего рода человеческого, Дело преображения мира, есть, следовательно, категория **героического** сознания и бытия, категория служения Общему. Оно также соответствует героическому призванию и идеалу человека, полагаемому прометеевским демиургическим сознанием соответствует героическому призванию и идеалу человека.

Смена религиозного теологического сознания новым прометеевским демиургическим миросозерцанием является, таким образом, **общим** условиям возвышения идеи братства, из формальной моралистической категории в высшую идею братства, как реальную демиургическую категорию, братства, как сотрудничества. Ибо эта смена знаменует величайший переворот в отношениях человека к тому, что **вне его**: отношения к Единственному в ней сменяются отношениями ко **Всему**; данное, как сверхреальная, божественная «благодать» сменяется **заданным**, как предметом творческого **достижения**. В теологическом сознании человек **один** перед Единственным, как своим Абсолютным, в демиургическом — он **со Всеми** и **со Всем**, как участник в осуществлении Абсолютного.

Замечательные слова прозрения, освещающие всю значительность существующей здесь связи и зависимости, имеются у Достоевского, несмотря на все извращающее действие той **идеологической призмы** теологического сознания, сквозь которую воспринимаются им его собственные **художественные** видения.

В «Подростке» Версилов говорит: «Я представляю себе, мой милый, — начал он с задумчивой улыбкой, — что бой уже кончился и борьба улеглась. После проклятий, комьев грязи и свистков, настало затишье, и люди остались одни, как желати: великая прежняя идея оставила их: великий источник сил, до сих пор питавший и гревший их, отходил, как то величавое зовущее солнце в картине Клода Лоррена, но это был уже как бы последний день человечества. И люди вдруг поняли, что они остались совсем одни, и разом почувствовали величайшее одиночество. Милый мой мальчик, я никогда не мог вообразить себе людей неблагодарными и оглушенными. Осиротевшие люди тотчас стали бы прижиматься друг к другу теснее и любвеобильнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляют все друг для друга!.. Они возлюбят бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою преходимость и конечность, и уже особенно, уже не прежнюю любовью. Они стали бы замечать и открыли бы в природе такие явления и тайны, каких и не предполагали прежде, ибо смотрели бы на природу новыми глазами, взглядом любовника на возлюбленную... Они были бы горды и смелы за

себя, но делались бы робкими друг за друга; каждый трепетал бы за жизнь и счастье каждого».

Это одно из самых глубоких мест у Достоевского, хотя поповствующие философы умудряются истолковывать его лишь в отрицательно-полемическом смысле. Правда, он сам отчасти виноват в этом.

27.

Действительно, для теологического сознания конститутивным является принцип гармонического единства человека с Богом; для титанического сознания таким конститутивным принципом является принцип гармонического единства человека с миром, со Всем.

«Все во мне и я во сем».

А это и есть принцип братства, подлинного, реального, — Демиургического братства, имеющего своим предметом Общее Дело преобразования мира, творческое Утверждение всего во всем.

В теологическом сознании человек ищет преодоления своей относительности и конечности в воссоединении с мнимым абсолютным и бесконечным существом, реальным лишь символической реальностью. В этом и состоит его моралистический путь утверждения человека, путь благочестия-святости. В титаническом мирозерцании такое преодоление своей относительности, конечности человек достигает в гармоничном воссоединении со Всем, творческая реализация которого и является осуществлением абсолютного, бесконечного, в реальном приобщении к которому и состоит творческий путь утверждения человека, путь героизма-величия.

Там — отрицание мира и, следовательно, невозможность единства с ним, невозможность и реального братства, здесь — преобразование мира и в нем воссоединение всего со всем — творческое, гармоническое взаимоутверждение.

Такой героический путь утверждения человека исходит из основного своего онтологического положения о единстве внутреннего существа людей и, следовательно, единстве судьбы их.

«Тот, что лежит там, ведь это я! Это вы! В этом высокое величие!» (Гауптман).

Поэтому человек не безразличен человеку: в нем — условие и залог его собственного Спасения, продолжение и восполнение его, иное, обращенное вместилище собственного его «я». Здесь исходный момент новой высшей идеи бессмертия, — бессмертия для преуспевания во всем, через приобщенность к бесконечности. И только на основе этой идеи бессмертия при основном постулате о творческом всемогуществе человека, может ставиться и предельная проблема Всеобщего Воскресения силами самого человека. Иначе эта проблема, — частная, но очень существенная и для нашего мирозерцания, — превращается в какую-то некролатрию, культ мертвых, как это имеет место у Федорова, тем более, что ее пытаются разрешить не на единственно соответствующей ей почве героического мироорганизующего титанического мирозерцания, а на почве квиетического мироотрицающего теологического сознания.

Таким образом, подлинное, реальное, — Демиургическое братство людей, братство, как сотрудничество, становится возможным — идеологически и исторически, лишь теперь, ибо лишь теперь оно является не только моралистической категорией, служащей для преуспевания в добродетели, но и онтологической категорией — с одной стороны и практической — с другой. Оно происходит не только из единства онтологической природы людей и единства человека с миром, но и из единства Цели их, Цели преобразования мира.

По существу, теологическое мирозерцание знает лишь понятие брата, как реальности личного, индивидуального порядка, но оно не знает понятия братства, как реальности общего, универсального порядка. Поэтому оно также знает понятие человека, но не знает понятия человечества, которое ему не нужно и даже вредно, так как становится лишь средостением между человеком и Богом. Понятие же человечества в своей идее это и есть понятие братства — в его высшем демиургическом смысле, смысле братства — сотрудничества.

Поэтому историческая и идеологическая возможность братства — в смысле героического поприща: соучастия людей в Общем Деле преобразования мира — с одной стороны и в смысле героического сознания: мироорганизующего прометеевского демиургического мирозерцания — с другой стороны, есть, тем самым, и возможность человечества — в подлинном и реальном значении его понятия. Отсюда исключительность наступающей новой эпохи и для этого понятия (см. передовую статью).

Власть судьбы над людьми держится на их раз'единении. Поэтому объединение людей явится властью их над своею судьбою. Ибо в раз'единении люди друга ограничивают и подавляют, в единстве же они друг друга восполняют и утверждают. Нemoшь перед судьбою есть результат ненависти и дисгармонического порядка бытия. Напротив, мощь в своей судьбе есть произведение братства, гармонического строя жизни. Поэтому немощные в раз'единении теперь, люди, — на основе уже достигнутых ими возможностей, станут всемогущими, когда будут братски объединены.

Наше время впервые ставит — и ставит с величайшей актуальностью — универсалистическую проблему организации мира и в ней творческого преобразования его. А эта проблема, рассматриваемая со своей субъективной стороны, есть ничто иное, как проблема братства. В таком виде эта проблема никогда еще не ставилась и ставиться не могла, так как не могло быть ни соответственной идеологической Цели, ни необходимых для этого исторических средств.

Понятие организации мира совмещает в себе понятия цели и пути: Единство и Об'единение. Но из этих же гармонических понятий состоит также и понятие братства. Оно также есть цель и стремление, идеал и реализация его. Но такое целостное, двустороннее понятие братства становится возможным лишь теперь, с наступлением новой, подлинно универсалистической эпохи — именно потому, что лишь теперь современная великая проблема организации мира стала возможной и необходимой.

Все сказанное о характере отношений человека к человеку, как он представляется в трех основных формах сознания, может быть резюмировано в такой общей триединой формуле: человек человеку — брат — теологическое мирозерцание, человек человеку — волк — материалистическое мирозерцание и человек человеку — сотрудник — титаническое мирозерцание. В этой триединой формуле даны все различия и сходства трех основных видов мирозерц., уровень и внутреннее достоинство их, основной стиль и историческая характеристика.

28.

Героический путь призвания человека — не только высшая форма его призвания, но и единственно возможная его форма призвания в мире.

Если в основных чертах всю предыдущую эру человеческого развития рассматривать, как антитезу теологического и материалистического сознания, то нужно констатировать, что человечество до нашей

критической эпохи конца этой пре-исторической эры человеческого развития и начала грядущей эры Истории в собственном смысле, не знало идеи о призвании человека, как такового, ибо не знало ни настоящего поприща, которым бы определялась соответственная миссия человека, ни надлежащего сознания, которым бы эта его миссия освещалась.

В теологическом сознании человек лишен самостоятельной роли: здесь он лишь — эманация и продукт высших сверхъестественных сил; в материалистическом сознании он вообще не несет никакой роли, являясь лишь случайным продуктом низших естественных сил. Идеальное, в качестве цели, в теологическом мирозерцании человеку уже дано, дано в виде «потусторонней», «божественной», «сверхъестественной» реальности, к которой ему нужно лишь приобщить себя; в материалистическом же мирозерцании отрицается самая реальность идеального и, следовательно, самая возможность его в качестве цели. В первом цель — мнимая цель, так как она есть уже осуществленная реальность, во втором нет вообще никакой цели, так как отрицается даже действительность того, что только и может служить в качестве ее содержания. Но без надлежащей Цели нет и настоящего Пути, а без настоящего Пути и без надлежащей Цели нет и настоящего Призвания.

Лишь новое, грядущее в мир, прометеевское демиургическое сознание, несущее Идею соответственной Цели и надлежащего Пути человека, представляет собой сознание и подлинного Призвания его.

Как с точки зрения теологического мирозерцания, так и с точки зрения материалистического мирозерцания человеку, как таковому, по существу, **ничего делать в мире**, и у него в нем нет никакого — в высшем смысле слова — Дела, ибо в первом то, что могло бы быть предметом такого Дела, уже дано, во втором — отрицается самый предмет, предполагаемый этим Делом. Больше того, теологическое сознание, как отрицающее мир, почитает даже за добродетель не участвовать в «делах мира». «Из том и добродетель, чтоб человек не занимал ума своего миром», говорит один из самых замечательных отцов церкви, Исаак Сирианин.

Ответ на вопрос, что человеку делать в мире, есть именно существо мироорганизующего прометеевского сознания. Лишь в нем такое Дело дается и предполагается самим существом человека, как такового, его местом и значением в мире, судьбой и заложенными в нем возможностями. Это Дело — Общее Дело преображения мира, Цель и Путь Истории в собственном смысле.

На бесцельность мироотрицающего теологического сознания указывает уже бессмысленность проявлений в нем подвижнической активности человека, ибо быть **осмысленным** и значит быть **целесообразным**. Там же, где нет реальной цели, не может быть и осмысленной деятельности. Мы приведем лишь несколько примеров «подвижнического» пути, как он практиковался теми, кто были наиболее последовательными исповедниками идеи этого мирозерцания. Так: «Бл. Иероним стриг волосы только в Пасху и постился до того, что глаза его становились мутными, а кожа отвердевала, как камень; Св. Макарий 6 месяцев спал в болоте и боролся со страстями тем, что давал кусать свое тело насекомым; Св. Пахомий в продолжении 15 лет не спал лежа; св. Авраамий 50 лет не умывался; Св. Евпраксия дрожала при мысли о купанье, а св. Симеон 30 лет стоял на столбе, приковав к нему себя цепью, и постоянно делал земные поклоны» (М. С. Карелин. Важнейшие моменты в истории средневекового папства).

И теологическое мирозерцание и титаническое являются формами **Абсолютного идеала**. Лишь материалистическое мирозерцание отрицает этот идеал, обрекая, тем самым, на ничтожество и безрадостность всю свою действительность.

Но в то время, как для теологического мирозерцания, Абсолютный идеал есть, опять таки, «потусторонняя» данность Божества, для титанического мирозерцания он есть «посюсторонняя» заданность Человека. Первое утверждает его, **отрицая** мир, второе достигает его, **преображая** мир. Поэтому, если для первого Абсолютный идеал есть предмет **благодати**, для второго он является предельной целью **творчества**, смыслом и содержанием Истории.

Исходной посылкой этих противоположных решений предельной проблемы бытия, проблемы Абсолютного идеала, является диаметрально противоположная оценка Человека: признание его творческой немочи и ничтожества — одним и творческого величия и всемогущества — другим. Нанна эпоха является всемирно-историческим моментом осознания человеком своего творческого величия и всемогущества. Тем самым, она есть исходный момент начала новой высшей эры осуществления Абсолютного идеала, как заданности творческого бытия человека, эры Истории в собственном смысле. Ее наступление знаменует утверждение творчества, как всеразрешающего источника бытия и, следовательно, как героического пути призвания человека.

Если для торжества теологического мирозерцания нужно, насколько это возможно, убить веру человека в себя, то для торжества прометеевского сознания необходимо в максимальной мере разбудить эту веру. Ведь для первого идея Спасения — в Боге и через Бога, для второго эта идея Спасения — в Человеке и через Человека. «Сознание бессилия и беспомощности человека, свидетельствует один из лучших представителей современного христианства, Н. А. Бердяев, необходимо для сознания истины искупления» («Смысл творчества»). А с другой стороны, как указывал Лютер: — «Бог есть Бог смиренных, несчастных, страждущих, униженных, потерявших всякую надежду» (Commentariyon Galatians). Тем самым, значит, этот «Бог» не есть Бог для мужественных и сильных, прекрасных и счастливых, которые, впрочем, и действительно не нуждаются в таком «боге». Отсюда нигилистический дух **всеуничтожения**, которому все в мире подчиняет теологическое сознание и утверждающий дух **всезовеличения**, в котором мобилизует и актуализирует мир прометеевское сознание. Отсюда рабья **мораль смирения**, мораль человека — твари и творческая **мораль дерзновения**, мораль человека — Творца. Для «спасения» мира «Бог» в теологическом мирозерцании становится человеком, — Богочеловеком, спасая мир в титаническом мирозерцании человек становится Богом, — Человекобогом.

Великая ложь теологического сознания в том, что оно абсолютный порядок бесконечности **противопоставляет**, как идеальный, относительному порядку конечности, как реальному. Великое же нравственное преступление материалистического мирозерцания в том, что оно совсем упраздняет первый, признавая, в качестве возможного, лишь второй. В результате человек оказывается в темнице необходимости, преходящего, временного, заключенный в мертвых стенах конечного. Действительно, категория конечности — основная категория, в частности, современного буржуазно-материалистического сознания. Его

высшая добродетель, — позитивизм. — эта возведенная в принцип ограниченность, даже и не допускает иной картины бытия. Поэтому на долю рождающегося нового, высшего сознания приходится великая миссия освобождения человека из этой позитивистически-материалистической тюрьмы конечности и возведения его в новый высший мир — не «потусторонний», а «поскосторонний» — мир реально утвержденной бесконечности. Таким образом, это миссия — в высшем смысле слова — Освобождения. И ее осуществление будет знаменовать величайшую в человеческой истории **Духовную Революцию**.

Здесь проходит общая линия различия религиозно-теологического мирозерцания, как **мифического**, оперирующего лишь с **символическими реальностями** и прометеевского демиургического сознания, как **реального и реализационного**, имеющего своим предметом подлинные и целостные реальности. То, что было лишь предметом мистических грез — преодоление своей конечности в единстве с бесконечностью — становится предметом реального осуществления и творчества. Ибо организация мира и преодоление пространства и времени, как **форм конечности и раз'единения**, есть, с другой, положительной стороны, осуществление бесконечности и единства, — реализация относительного в Абсолютном.

Этот путь организации мира, путь гармонического соучастия в Общем Деле Творчества-Труда и есть героический путь утверждения человека, возведения его частного к общему, индивидуального к универсальному, — конечного к бесконечному.

31.

Теологическое мирозерцание уводит от всего, чтоб привести к Единственному, — его путь отрешенности, путь отрицания всего, новое сознание зовет к приобщению ко всему, и в этом приобщении — к Всеутверждению, чтоб в нем и через него осуществить Всеединство. Первый универсализм был нигилистический и его приобщение к Абсолютному — мнимым, только второй универсализм является подлинным, положительным и его приобщение к Абсолютному — реальным. Ибо уход от всего есть уход в небытие, достижение же Абсолютного бытия есть гармонический выход ко Всему. Он достигается в творческом акте Человека-Творца, в высшей **универсалистической любви**, все обнимающей. Не отрешенность от Всего, а приобщенность ко Всему, не уход от мира, а творческое Преображение его — таков положительный, героический путь Спасения, осуществления абсолютного достоинства и призвания человека.

Всякая универсалистическая эпоха есть эпоха — в широком смысле — героическая, ибо она сама в себе воплощает примат Общего над частным — в чем бы исторически ни выражался этот примат, — ведь в подчинении частного Общему и состоит героическая воля, утверждающая принцип не притязания, а служения, не самоутверждения, а жертвенности.

Наоборот, всякая индивидуалистическая эпоха есть эпоха, по существу своему, анти-героическая, полагающая примат частного над Общим, индивидуального над универсальным. Там — Целое, как исходная точка, здесь — часть, там — Единство, здесь — обособленность, там центростремительная общая тенденция, здесь — центробежная. Конечность есть основная, определяющая категория индивидуалистической эпохи, бесконечность есть предмет высшего вдохновения универсалистической эпохи. Первая все, в конце концов, сводит к предельной части — к атому, вторая все, в конце концов, возводит к предельному понятию единства — к Абсолютному.

Но именно поэтому подлинно универсалистической эпохи и подлинного универсализма до сих пор не было и не могло быть, так как сознание человеческое, изначально расколотое в антитезе анти-реалистического теологического мирозерцания и анти-идеалистического материалистического мирозерцания, пребывало в постоянной и основной раздвоенности Неба и Земли, Бога и Человека, Церкви и Государства и т. п., словом, в раздвоенности идеального и реального, при которой один ряд этой всеобщей антитезы находил свой постоянный предел и ограничение в другом.

При таком же основном, центральном и всеобъемлющем раз'единении, раз'единении двух основных аспектов бытия, во взаимодействии которых и состоит всякий творческий акт, всякое жизненное проявление, становится невозможным и какое бы то ни было частное и вторичное отношение единства, будучи в самой своей основе обречено на относительность, частичность и поверхностность.

Лишь гармоническое преодоление этого первоосновного, изначального раз'единения человека в антитезе теологического и материалистического сознания и бытия, преодоление его в высшем Синтезе прометеевского демиургического сознания и бытия, — явится основой подлинного универсализма, в котором сойдутся Небо и Земля, Бог и Человек, идеальное и реальное. Тем самым, в результате такого творческого воссоединения, это будет Новое Небо и Новая Земля, Новый Бог и Новый Человек, новое идеальное и новое реальное. И только на такой основе станет возможным действительное приобщение индивидуального к универсальному, частного к Общему, конечного к бесконечному. Т.-е., станет возможным действительно героическое сознание и бытие.

32.

«Фаустовская» жажда всеобъемлющей полноты жизни, жажда все пережить и испытать, познать и изведать есть не только стремление современного человека (Шпенглер), а вечное человеческое стремление, коренящееся в самом, потенциально дремлющем, универсальном существе человека. Но на высоком уровне великой современной культуры оно впервые достигает необыкновенных размеров и силы, неизвестных другим эпохам. Ибо, вообще, чем выше культурно-исторический уровень человека, чем значительнее он духовно и материально, тем шире горизонты этого его универсалистического стремления и тем оно интенсивнее. Наше же время — в своих триумфах победного человеческого духа необыкновенное — подводит его вплотную к тому уровню его, когда изначальное смутно сознававшееся его **универсальное существо** раскроется со всей жизненной актуальностью в самых существенных чертах его нового сознания, когда величайшая и прекраснейшая интуиция всех религий станет очевидной и реально переживаемой, человеческой сущностью, и когда жизнь Целого и Всего гармонически осуществится, как жизнь каждого. Таким образом, это не будет религией, но это будет действительностью. — «У них не было храмов, но у них было какое то насущное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной; у них не было веры, зато было твердое Знание, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них и для живущих, и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной» (Достоевский. «Сон смешного человека»).

В связи с таким необыкновенным пробуждением универсалистических стремлений находится тот факт нашего времени, что так остро в нем встала проблема времени и пространства. Весь мир, вся жизнь

становятся универсалистическими. И впервые с мучительной ясностью человек ощутил всеподавляющую и всераз'единяющую решетку пространственно-временной ограниченности и конечности. Отсюда титанический дух преодоления пространства и времени, дух овладевающего миром демидургического прометеевского мирозозерцания; отсюда возможность осознания Истории, как пути организации мира, как осуществляющейся в ней Абсолютной Гармонии и Всеединства.

Наступающая новая эпоха знаменует величайший конфликт конечного и бесконечного, частного и общего и, следовательно, индивидуального и универсального, ибо никогда жизнь не достигала таких грандиозных, подлинно планетарных масштабов и устремлений, как в наше время. И основное, что несомненно в этом назревающем великом конфликте — это неудержимое всепроникновение, победа и торжество именно начал общего, универсального и бесконечного, начал нового, высшего героического сознания, утверждающего их примат.

Новый человек, рождающийся на этих, подлинно вселенских подмостках нового строящегося существования, имеющих пределом своих взаимоотношений весь мир — будет поэтому универсалистом по самому существу своему. Он впервые принесет реальное сознание тождества мира и своего «я», тождества в гармоническом единстве своей судьбы и судьбы Целого. Исполненный пафоса Общего и Всего, он в замысле своего творческого устремления сплотит и мобилизует все стремления бытия. Не убогая индивидуальная «любовь к ближнему» его будет вдохновлять, а универсальная любовь, обнимающая весь мир, все утверждающая и во всем утверждающая его.

П. Боранецкий.

Идеология классового шкурничества

Новое учение лишь тогда имеет право на власть над жизнью и лишь тогда оно может ею овладеть, когда оно несет новый, высший принцип долга и любви, служения и жертвенности. Лишенное этих высших, идеалистических достоинств, новое учение не только не должно быть принято жизнью, но и не имеет шансов органически и на длительный срок ею овладеть.

Социализм же, — по крайней мере в его господствующей марксистской транскрипции, — построен, в конце концов, на одном голлом эгоизме и представляет один голдый эгоизм, — эгоизм, при том, грубого материального свойства. В этом отношении уже выше его националистический эгоизм, ибо нация — в противоположность социально-экономической, материалистической категории класса, есть идеалистическая, культурно-историческая категория.

Но этого мало. Эгоизм, на котором построен марксизм, особого порядка. «Пролетариат» не только борется за свои лишь грубо материальные, классово-эгоистические интересы, он еще убедил себя и хочет убедить и других, что подчинение всех других классов служению его эгоистическим интересам и есть служение высшим интересам. Так что все другие группы общества, в частности, крестьянство и интеллигенция, не просто должны быть с'едены им, но будучи поедаемы, должны еще благословлять и превозносить поедающего их «избранного» класса.

В действительности же, выступая с идеей не объединяющей, а раз'единяющей общество, несущей не принцип долга и любви, а принцип эгоизма и ненависти, марксизм, естественно, мобилизует и все другие эгоизмы, эгоизмы всех других общественных групп, которые не только не хотят быть с энтузиазмом и благодарностью с'едены, но и сами хотят есть. В результате такого взрыва всех и всяческих эгоизмов, который во славу Марксовой теории классовой борьбы вызывает этот «избранный» класс, — выход может быть лишь один: поднять знамя «общего», «национального» интереса, противопоставив его всеразвязавшимся групповым интересам. А это и есть ничто иное, как «фашизм». Следовательно, фашизм есть есте-